

Вышли из окружения. 1995. Холст, масло.

Это надо не мёртвым, это надо живым

«Фронтовикам, участникам Великой Отечественной войны, труженикам тыла посвящаются мои воспоминания», - Вениамин Карпович Чебанов.

С 1943 по 1944 год курсант Новосибирского военно-пехотного училища (специальность «командир стрелкового взвода»), после окончания ускоренных курсов приказом ГУК НКО № 03636 присвоено звание младшего лейтенанта, и направлен на 1-й Украинский фронт. Великую Отечественную войну прошёл в должности командира стрелкового взвода 203-го стрелкового ордена Александра Невского полка 92-й стрелковой Краковской дивизии. В боях был дважды контужен, дважды ранен. Инвалид 2-й группы Великой Отечественной войны. За боевые заслуги награждён медалями «За Отвагу», «За освобождение Кракова», «За взятие Вены», «За Победу над Германией», орденом «Красной Звезды», орденом «Отечественной войны» I степени. После Победы служил в Центральной группе войск в Австрии (г. Винер-Нойштадт) и Венгрии (г. Печ). Демобилизован в 1947 году. Капитан запаса.

Переправа. 1993. Холст, масло

Предисловие к воспоминаниям участника Великой Отечественной войны Народного художника России Вениамина Карповича Чебанова

Человек, фронтовик, художник. Он был чрезвычайно работоспособный, талантливый и целеустремленный человек. Его память и личный жизненный опыт позволял ему создавать на полотнах всё то, что он лично или его близкие пережили в жизни, показывать своё отношение к людям, поступкам, событиям. Многие его работы не потеряли актуальности и сегодня. События, люди, сюжеты на его картинах не вымышлены, они исторически правдивы. Именно правдивость и искренность в его художественных произведениях – вот истинная ценность его творчества. Его личные слова искренни и правдивы: «Великая Отечественная... Она всегда со мной, как и то суровое время; она судьба моего поколения, обогреть кровью юность, наша светлая память и боль. Когда работаешь у холста, когда создаешь образы солдат, поневоле вспоминаешь их молодые живые лица и их короткую жизнь – возникает чувство неоплаченного долга и вины перед ними. Ведь это их ратными трудами и кровью вершилась Великая Битва». Его главный, как художника и гражданина, принцип: «Это надо не мёртвым, это надо живым».

Он рисовал для тех, кто живёт сегодня и будет жить завтра. Чтобы мы, их потомки, будущие поколения знали и помнили, что пришлось пережить нашей стране, нашему народу. Его полотна никого не оставляют равнодушными, о чём или о ком бы он ни рисовал. Война в картинах художника Чебанова является не предметом изображения. Это смысл его жизни – человека, фронтовика, художника, его личное восприятие Высшего СМЫСЛА Великой Отечественной войны для нашего народа, для нашей страны, смысл освобождения от рабства и попытки уничтожения нашего народа фашистами. Это его личное отношение к подвигу Народа, победившего коричневую чуму. К подвигу тех, кто в тылу своим героическим трудом создавал оружие и боеприпасы, кто обеспечивал фронт продовольствием и обмундированием, кто лечил раненых. Война противна природе и человеческому существу, на ней убивают. Убивают тебя, твоих родных и близких, делают их рабами, захватывают твою Родину, твою землю, твой кров. Мы победили именно благодаря единству народа, который противопоставил всего себя захватническим планам фашизма. Именно освободительная миссия советского народа позволила народам Европы сбросить с себя иго гитлеровской Германии. В своих картинах художник прямо указывает на сплочённость и дух Красной Армии, всего народа Советского Союза, что и решило исход Великой Отечественной

войны. Великая Отечественная война прямо касается всех нас, у кого родные и близкие воевали или погибли в ходе войны, были угнаны в Германию в качестве рабов, содержались или были убиты в фашистских концлагерях, кто своим самоотверженным трудом в тылу приближал нашу Победу.

С 90-х годов XX века и до настоящего времени нам из-за «бугра» пытаются «привить покаяние» за то, что совершила Красная Армия в годы войны, извратить суть нашей героической истории. Вениамин Чебанов считал это прямым оскорблением памяти тех, кто страдал в годы войны, кто проливал свою кровь и пот, положив своё здоровье и жизнь на защиту нашей Отчизны. А тех, так называемых «либеральных граждан», которые вторят Западу, считал предателями, - иванами, не помнящими родства.

Наша семья фактически знает, что такое война. Папа в ноябре 1941 года (в 16 лет) пошёл работать в паровозное депо железнодорожной станции Инская. Работал помощником слесаря (котельщиком), ремонтировал котлы паровозов, доставлявших грузы на фронт. В ноябре 1943 года был призван в армию, окончил ускоренные курсы Новосибирского военно-пехотного училища. Осенью 1944 года он в звании младшего лейтенанта и должности командира взвода был отправлен на 1-й Украинский фронт. Боевые действия шли на территории Польши. Первое ранение получил в битве за освобождение Кракова. Второе (тяжелое) – при форсировании Одера: во время атаки снайперская пуля прошла насквозь, повредив шейные позвонки. После госпиталя снова вернулся в строй, освобождать Прагу. Победу встретил в Чехословакии, в Судетах командиром роты. Наша мама – Чебанова (Антощенко) Татьяна Романовна 26 июля 1941 года в возрасте 15 лет из детского дома городка Умань (Украина) была угнана в рабство в Германию (по меркам «цивилизованного» Запада депортирована). Её доставили в рабочий лагерь принудительного содержания под Мюнхеном, где выдали рабочую одежду с номером и биркой «OST».

При создании картины - диорамы, посвященной подвигу воинов 150-й (22-й) Сталинской Гвардейской стрелковой Сибирской Добровольческой дивизии Красной армии в боях на Ржевско-Вяземском плацдарме в годы Великой Отечественной войны, освобождающих город Белый в 2015–2017 гг. художнику было 90–92 года, у него на жизненном «счете» два ранения и две контузии, полученные в годы войны. Послевоенное время – три инфаркта и целый букет сопутствующих заболеваний. Но, невзирая на физические страдания, он каждый день поднимался на шестой этаж в мастерскую и работал у мольберта. Размер картины-диорамы 2,7 x 10 метров. Чтобы выполнить её в таком размере требуются леса (подиум). Выходных он себе не позволял, работал каждый день. У него нет ни одной работы, которую он

бы делал спустя рукава, а работы, связанные с воспоминаниями о войне, для него являлись истиной в первой инстанции. Этим работам он всегда отдавал всего себя сполна, до изнеможения...

Они выстраданы, они в память о друзьях-однополчанах...

В его работах, на первом плане всегда ЧЕЛОВЕК. Они западают в душу, они заставляют думать, сопереживать, переосмысливать историю нашей страны, человечества и свою собственную жизнь. Вениамин Чебанов был искренним и порядочным человеком, он всегда видел фальшь в поступках других и, благодаря своему таланту, показывал будущим поколениям реальную историю нашей страны. Эпилогом своего творческого и общественного служения обществу художник Вениамин Чебанов считал создание Сибирской Мемориальной картинной галереи, посвящённой подвигу нашего народа в Великой Отечественной войне, и картину-диораму, посвящённую битве 150-й (22-й) Сталинской Гвардейской стрелковой Сибирской Добровольческой дивизии Красной армии в боях на Ржевско-Вяземском плацдарме.

В.К. Чебанов свою творческую деятельность совмещал с общественной жизнью города, области и страны. К нему в мастерскую приходили школьники и студенты, он встречался с воинами Советской и Российской армии, с ветеранами войн и труда, блокадниками. Он был одним из инициаторов создания Мемориального барельефа, посвящённого воинам-сибирякам, уходившим на фронт с вокзала Новосибирск-Главный (открыт 7 ноября 2011 года на здании вокзала возле первого перрона).

Я благодарю папу за то, что он меня вырастил, воспитал, заложил в меня правильное понимание подвига Советского народа в годы войны, поделился со мной своим духовным миром.

Считаю, что свой долг перед Отчизной, гражданами России, Новосибирской области и Новосибирска фронтовик, художник и человек Вениамин Карпович Чебанов выполнил сполна, в полном смысле он, являясь ЧЕЛОВЕКОМ, ПАТРИОТОМ и ГРАЖДАНИНОМ!

Желаю ВСЕМ ветеранам здоровья и поздравляю ВСЕХ с наступающим днем 9 мая, с Великим праздником Победы!!

*От имени детей, внуков и правнуков
Вениамина Карповича Чебанова,
с уважением, Артём Вениаминович
2023 г.*

За павших и живых. Художники В. Чебанов, П. Поротников, В. Кирьянов (слева направо)

Память *(из воспоминаний)*

Ночью 8 ноября 1944 года Новосибирское военно-пехотное училище подняли по тревоге. Бывшие курсанты, а теперь выпускники, младшие лейтенанты, сразу поняли: их отправляют на фронт. На воинской платформе затемно погрузились в теплушки. Короткие, взволнованные рыдания немногочисленных провожающих. Команда: «По вагонам!» Прощай, Новосибирск, увидимся ли? Поезд медленно набирает скорость, потом всё быстрее и быстрее. Всем воинским эшелонам, идущим на фронт, давали зелёную улицу, и уже через три дня мы были в пределах Украины. Поезд отсчитывал километры по многострадальной украинской земле. Мимо проносились опустевшие, полуразрушенные станции. Настроение наше изменилось: все стали серьёзные, реже слышится смех. Уже в конце нашего пути, рано утром, подъезжая к городу Перемышлю, эшелон чуть не наскочил на минированный бандеровцами путь. Только случай спас нас от несчастья. Военный патруль с обходчиком успели подать сигнал. Поезд остановился буквально в 10 метрах от зарядов. Вторая неприятность случилась, когда наш эшелон поздно вечером прибыл на конечную – потаённую воинскую платформу, закрытую, как забором, высокими мачтовыми соснами. Налетели немецкие «бомбёры». Наши зенитчики с закрытых лесом позиций, не давали приблизиться немецким самолётам на прицельную дистанцию. Земля содрогалась от разрывов тяжёлых бомб, но ни одна не упала на маленькую неизвестную станцию. Мы спешно ушли в лес.

В Польше, под Жешувом, наше Новосибирское военно-пехотное училище влилось в офицерский резерв 1-го Украинского фронта, где уже в середине ноября нас разобрали по полкам, дивизиям, армиям. Я попал в 59-ю армию, 92-ю стрелковую Новгородскую Краснознамённую дивизию, в 203-й стрелковый полк. В это время 1-й Украинский фронт после тяжёлых наступательных боёв перешёл к активной обороне. Надо было подтянуть тылы: пополнить полки людскими резервами, снаряжением, боепитанием. Всё мобилизовывалось для будущей грандиозной Висло-Одерской операции. Наш полк был во втором эшелоне. Мы принимали новое пополнение из маршевых рот. Солдаты были большей частью молодые призывники, наскоро обученные, из западных областей Украины и Белоруссии. Венной подготовкой с ними приходилось заниматься в непосредственной близости от передовой. Во время занятий нередко звучала команда: «Воздух!». Мы укрывались в старых немецких окопах и блиндажах, откуда вели огонь из стрелкового оружия, не причиняя никакого вреда самолётам, но учась и утверждаясь в мужестве.

В первых числах декабря 1944 года, под прикрытием ночи, сменили части, которые были в окопах, на передовой. Надо было до утра успеть разместить солдат в траншею по пулемётным гнёздам, а утром определить секторы и ориентиры обстрела. Ночью немцы услышали шум в наших окопах, осветили ракетами, открыли пулемётный и стрелковый огонь, а когда рассвело, обстреляли из миномётов. Прописали! Начались фронтовые будни. Наш полк занимал оборону в междуречье Вислы и Дунайца под городом Тарнувом. Почти все мои солдаты пополнения были ещё не обстрелянные, как и я сам. Все привыкали к боевой обстановке, втягивались в окопный быт, мужали, освобождались от страха и нервозности. Мне, как командиру взвода, самому пришлось пересмотреть своё поверхностное отношение к войне, солдатам, моим командирам и воинскому долгу. Я только здесь, в окопе, живя бок о бок с солдатами, осознал громадную ответственность за свою и их жизнь. Каждодневно учила и сама фронтовая обстановка – дорогая наука скорбей и потерь, наука войны.

Заканчивался 1944 год. До Нового года мы соорудили землянку, достав с превеликим трудом сваренную из двух канистр буржуйку с водопроводной трубой, и назвали своё жилище «Братья-славяне». Солдаты повеселели: есть свой дом. Есть где отдохнуть в тепле после дежурств в окопе, или в пулемётном гнезде, или в сторожевом охранении. Новый год встречали даже на войне. Но мы встречали его с душевной тревогой, ведь это первая новогодняя ночь, которую советские солдаты отмечали на чужой земле. Фронт готовился к тяжёлым боям Висло-Одерской операции. Каждый думал о том, что год грядущий нам готовит. В предновогоднюю ночь в окопах и землянках, на боевых позициях, в боевых охранениях старшины разносили горячую пищу в термосах и «наркомовские сто грамм». Политработники воодушевляли бойцов – передавали подарки от шефов: вышитые кисеты, тёплое бельё, махорку, консервы, письма от родных. Немцы особо не беспокоили. Фрицы только освещали ракетами наши примолкнувшие траншеи. Ракеты висли над полем, затухая на лету, а затем вспыхивали в другом месте. Было бы очень красиво, если бы не немцы, если бы не война... Если бы не ползти по этому полю ребятам моего взвода и мне. Ползти, подниматься в атаку к зловеще чернеющей, занятой врагом траншее.

Первые дни января сорок пятого года были относительно спокойные. Активизировались лишь поисковые группы немцев и наших разведчиков. Для того чтобы добыть «языка», применяли глубокую разведку боем. До начала Висло-Одерской операции оставалось 11 дней. Обстановка накалялась и у нас, и у немцев. 11 января получили боевой приказ: завтра утром в 10-00 после артподготовки перейти Вислу, захватив плацдарм на левом берегу, и, выбив немцев из первой траншеи, закрепиться. Получив

приказ, я ещё раз проверил у солдат боевую выкладку: оружие, достаточно ли патронов, гранат и у всех ли каски, малые сапёрные лопатки, противогазы, медпакеты, сухой паёк на три дня. Ещё и ещё раз проинструктировал по уставу как действовать солдату по уставу, как оберегать себя и товарища, как обезвреживать вражескую траншею и т.д.

Чувствовал, что солдаты волнуются, и это волнение передавалось мне. Я как мог старался не показывать вида и за заботами не думать о предстоящем. В одной послевоенной песне пелось, что последний бой – он трудный самый, но и первый бой не менее трудный. В эту ночь никто не спал. Рассвет наступал медленно, как будто не хотел расставаться с ночью. Вдруг вздрогнула земля, и грохот большой силы обрушился на нас. Через наши головы со скрежетом и воем летели снаряды в сторону врага. Время будто остановилось. Внезапно слева и справа взлетели красные ракеты. Мы поднялись из окопов и по цепочке, скорым шагом, через проходы прошли наше минное поле, развернувшись в цепь. Наша артиллерия била, подавляя огневые точки противника. Бежать по глубокому снегу было невозможно, и мы кубарем скатились с берега на реку, где зловеще зияли полыньи. Немцы заранее порушили снарядами лёд. Этого мы не ожидали. Когда мы были уже у западного берега, начали огрызаться немцы. Нас защищал крутой западный берег, а наша артиллерия перенесла огонь в глубину. На этот раз нам не удалась попытка прорваться к немецкой траншее. Батальон был прижат плотным ружейно-пулемётным и автоматным огнём. Пришлось остановить наступление, для того чтобы закрепить своими пулемётами уже взятые ячейки боевого охранения немцев, а также для поддержки нового броска. Через связного передали приказ батальону: после залпа «катюши» ворваться в немецкую траншею и выбить фрицев, а по ходам сообщения захватить вторую траншею.

Внезапный залп «катюш» прижал нас к земле, снаряды со страшным воем летели над нашими головами, смешиваясь с взрывами. Сколько продолжался этот ад невозможно подсчитать – минуту или десять... Артналёт закончился внезапно, как и начался. Наступила давящая тишина, потом стали различаться глухие вздохи, скрежет, треск, всполохи петард и ракет. Это агонизировал передний край немцев. Какая-то сила оторвала нас от земли, и мы почти молча бросились к разбитой взрывами немецкой траншее. Соппротивление немцы почти не оказали. Живые ушли по ходам сообщений, унося с собой раненых. На убитые и обезображенные трупы, брошенные немцами, было страшно смотреть. Уже в конце дня подошли к нам самоходки и при их поддержке мы заняли вторую траншею. Третью брали ночью с тяжёлым боем: самоходки были сожжены фаустпатронами. Под утро третья траншея была наша. С болью в сердце начал считать раненых и

убитых. Убиты были командир отделения сержант Градков, рядовые Шубин, Вдовин. Ранены ещё шесть солдат. На душе было тяжело. Из 32 солдат моего взвода осталось 23 человека. Ночью следующего дня эвакуировали в тыл раненых и убитых.

14 января немцы пытались выбить нас из траншеи, но безуспешно. Утром 16 января, сбивая арьергарды немцев, наша дивизия, преодолевая сопротивление, начала наступление на Краков. Наступая, мы углублялись в лес, занесённый глубоким снегом, по дорогам, разбитым войной. На дальних лесных опушках застревали грузовики с боеприпасами и продовольствием, а в затерянных среди лесов хуторах – санитарные автобусы. Всё это отставало от пехоты, которая одна-одинёшенька всё-таки продолжала двигаться вперёд, урезая свой рацион и дрожа над каждым патроном. Немцы уходили под защиту городских стен Кракова. Краковской группировке немцев предложили сдаться, но они не желали сложить оружие в надежде прорваться на Запад. С рассветом наш полк подошёл к Кракову где-то на расстояние пяти километров. «Оседлали» дорогу, идущую из города, окопались насколько можно в снегу у опушки леса с задачей уничтожить или пленить немцев, прорывающихся из города. Ночью немцы решили прорваться через наши позиции, но, встретив пулемётный огонь, ушли в лес, где напоролась на нашу батарею и пулемётчиков. Немцы воспользовались неожиданностью своего появления, из-за чего погибло много солдат. Не успев подорвать миномёты, они ушли в сторону Мысловиц, но их накрыл своим огнём подоспевший взвод самоходок. В эту ночь кромешная мгла освещалась только редкими взрывами гранат да смертельными всполохами трассирующих пуль. Только под утро стрельба затихла, и, поднявшись из своих заснеженных нор, мы увидели толпы немцев, шедших с поднятыми руками и белыми флагами. Для этих фрицев война уже закончилась. Немногим удалось вырваться из окружения под Краковом. Это было 20 января 1945 года.

По следам отступающего противника наш полк, с трудом преодолевая снежные заносы и вступая в арьергардные бои, продвигался к Селезскому промышленному району.

Через сутки, 22 января, при освобождении польского хутора осколки от разорвавшегося снаряда смертельно ранили двух солдат – Бондаря и Гузова, а меня контузило. Я не мог подняться: бедро пронзала острая боль, лицо было иссечено мелкими осколками гальки, глаз залит кровью. Солдаты дотащили меня до хозвзвода и уложили на сани, чтобы доставить в медсанбат. Самочувствие было паршивое. По-настоящему пришёл в себя, уже лёжа на койке. Врачи определили, что кость цела, а обширная гематома

со временем пройдёт. Через восемь дней выписали из санбата и надо было догонять свой полк.

Вместе со мной выписали и младшего лейтенанта, однокурсника по военно-пехотному училищу в Новосибирске Пестрякова Фёдора. Он был легко ранен в голень, а служил в одном со мной полку, только в третьем батальоне. Получая у каптёрщика в дорогу доппаёк, мы выпросили автомат ППШ, диск которого оказался полужаряжен. По лесным дорогам шастали окружённые отряды немцев. У меня был трофейный пистолет Люгера – парабеллум с полной обоймой. Мы как будто предчувствовали, что с нами должно что-то случиться. В попутной машине из санбата, которая постоянно курсировала к передовой, вывозя оттуда раненых, мы беспечно устроились в кузове, радуясь, что не пришлось отмерять километры пешком. В прифронтной зоне не так просто найти «хозяйство» дивизии. В этот день шёл маленький снежок и было относительно тепло. Мы всю дорогу балагурили с медсёстрами из медсанбата. Они были старше нас, с военным опытом и поэтому всё время шутили и подтрунивали над нами, салагами. Патрульные посты пропускали нас наравне с машинами, которые везли на передовую боеприпасы. Дорога была укатана хорошо, а по сторонам, слева и справа, попадались остовы сгоревших машин и техники, нашей и немецкой. Справа и слева от дороги стоял сосновый лес. Смех прекратился, когда справа мы увидели трупы немецких солдат, привязанных к основаниям сосен в чем мать родила. Медсёстры поведали нам, что это мародёрствуют польские полицаи, мстя немцам за издевательства над поляками. Немцы, попавшие в окружение, обмороженные, голодные, раненые, выходили на польские хутора, грабили и разоряли их, убивали оказывавших сопротивление. Увиденное нами было противно, непонятно и страшно. Страшно патологической реальностью человеческого падения, страшное лицо войны... Мы прятали глаза друг от друга, как будто это сделали мы, как будто это нас припечатали к покрытым инеем заледенелым трупам. Как-то сразу все притихли и уже ехали молча...

Вдруг у кювета дороги увидели сидящего, странно скрюченного немца. Он был не вооружён, во всяком случае не было видно карабина, никакой выкладки, кроме шинели и гражданской польской шапки, надетой прямо на пилотку. Постучали по кабине, давая шофёру знак остановиться. На всякий случай, выпрыгнув из полуторки, приготовили оружие и подошли к немцу. Он сидел, свесив голову на грудь. Нам показалось, что он мёртв. Шофёр тронул фрица за плечо. Он медленно-медленно, как будто его голова была приморожена к груди, поднял голову и, выдохнув: «Гитлер капут», зашёлся в кашле. Вид его был страшен: чёрное обмороженное лицо все в струпьях, глаза почти мёртвого человека выражали боль и страдание. Рука,

Взводный. 1994. Холст, масло.

подвешенная на собственном поясном ремне через шею, была прострелена в плече. Кровь, замёрзшая и почерневшая, залила рукав и всю шинель до самого низа, задубела от мороза как броня. Он как в бреду и, вероятно, был в бреду, повторял почти хриплым шёпотом: «Гитлер капут! Гитлер капут!» Девушки-медички сказали нам, что недалеко отсюда есть лагерь для военнопленных, куда надо его отвезти. Кое-как подняли его в кузов и усадили. Шофер дал ему ломоть хлеба и грамм пять-десять спирта. Немец проглотил этот ломоть не глядя. Видно, не один день он был без еды и потерял много крови. Минут через 20-25 были уже у шлагбаума контрольно-пропускного пункта лагеря для немецких военнопленных. «Нашего» фрица категорически не принимали в лагерь, так как он был переполнен. А, когда посмотрели на него, то вообще схватились за голову. Он и впрямь напоминал мёртвого. Мы все и даже шофёр навалились на коменданта лагеря с просьбами, увещеваниями, призывали к его совести и долгу советского офицера. И когда медсестра, старший сержант, сказала, что она пожалуется большому медицинскому начальнику, назвав его фамилию, комендант приказал отнести фрица на носилках в приёмный санитарный блок. Старшая сестра, садясь к шофёру, сердито бросила: «Скоро будет КПП. Там у коменданта спросите своё хозяйство». Не доезжая метров 500 до КПП – пробка. Справа и слева машины, которые старались объехать транспорт, стоявший на дороге впритык, сползали на заснеженную целину. Застреливали там и ещё больше создавали затор. Шум и рёв моторов сливались с руганьем и криком людей. В глубине этого муравейника из людей, обозов, машин, тягачей и пушек мотались исхудавшие, обросшие щетиной, чёрные от копоти и мороза, с нервами на пределе командиры и регулировщики. Тягачи растаскивали в разные стороны, застрявшие в глубоком снегу машины. Мы поняли, что это надолго, и тепло попрощались с нашими милыми сестричками. Вечное вам спасибо за вашу доброту и щедрость. Дай вам Бог удачи, счастья, Тоня и Нина!

Покинув машину, мы начали буквально пробираться через всю колонну. Кое-как пробравшись, мы с Фёдором увидели большой дом, хозяйственные постройки, которого дымились, догорая, растасканные по всему двору. Дальше, за ригой, ближе к лесу, стояли две цистерны на полозьях из брёвен и тягач, который, видимо, вытаскивал их из-под огня. У разбитого прицепа лежали пять трупов немецких солдат. Недалеко стояла группа наших солдат, которые слушали молодого солдатика с головой, перевязанной необычно чистым бинтом. Он взволнованно, странно подёргиваясь, рассказывал о случившемся на КПП. Было понятно, почему так странно выглядело все вокруг и эти убитые немцы. Ночью немцы, выходящие из окружения, надеясь на малочисленность гарнизона КПП, решили, захватив его и уничтожив, поживиться хоть какой-то пищей и водой. Но напоролась на

наше охранение, которое приняло бой. Кое-кто из наших ребят был ранен. Пятеро немцев лежали во дворе, остальные ушли в лес. Мы с Фёдором переглянулись, вспомнив подобранного на дороге «нашего» фрица. На КПП расспросили, где находится наша дивизия, по какому маршруту нам следовать, кто может нас подбросить до нашей части. Офицер КПП объяснил, что почти все воинские части на марше и трудно точно определить их местонахождение, но штаб 59-й армии находится где-то недалеко, в пяти-семи километрах отсюда. Правда, если на попутной машине, то будет дальше: впереди река, ближайший мост взорван и приходится добираться до переправы, наведённой сапёрами, которая выдерживает тяжёлую технику. Подойдя к разбитому деревянному мосту через небольшую, совершенно безо льда чернильную воду, мы поняли, что перейти по одному человеку можно. Середина моста, длиной метров 40–50 рухнула, вероятно от взрыва снаряда. Остались перила моста и кое-где доски, по которым, соблюдая осторожность и балансируя, мы перешли на противоположный берег. Вздохнув с облегчением, мы вышли на более-менее накатанную дорогу, уходящую к сосновому бору. Пройдя метров сто, услышали звон приближающегося колокольчика. И вдруг, из-за поворота дороги вылетела лошадь, запряжённая в лёгкую кошёвку. В ней, на коленях стоял человек и вожжами нахлёстывал лошадь, стараясь, вероятно, усилить её бег. За его спиной маячил ещё один человек с карабином. Это были польские полицаи-дружинники. Кое-как, перебивая друг друга, они объяснили нам, что впереди немцы и их «вшыско богато». Они были перепуганы крепко. Что делать? Чувствую, что они и на нас напускают панику. Чёрт, что происходит? Мы победители, офицеры Красной армии, будем прятаться от немцев, которые, возможно, идут сдаваться. Нет, дудки, надо брать команду в свои руки. Полякам приказал повернуть лошадь, снять белые повязки с надписью «полиция», чтобы не демаскировали, затем проверил наличие патронов. У каждого из них оказалось по обойме на карабин – не жирно. Надо сказать, что я особенно и не надеялся на этих волонтёров поневоле. Один был уже в возрасте, лет, наверное, 40–45, а второй совсем мальчишка, лет 16–17. Он меня особенно беспокоил, так как был от страха неуправляем и мог что угодно натворить. Я приказал ему свернуться клубочком между облучком и задним сиденьем, а его карабин взял себе. Мой трофейный Люгер здесь не пригодится, а пригодится только для себя, когда... У Фёдора в ППШ полдиска – вот и всё. Быстро привязали к дуге язык колокольчика, чтобы своим милым звуком не предупредил фрицев преждевременно. Мы торопились. Пугала неизвестность, и была злость, злость на то препятствие, которое внезапно возникло на нашем пути, – немцев. Не торопясь, но поспешая, мы тронулись, стараясь не шуметь, объясняясь жестами. Дорога шла, слева прижимаясь к молодому сосновому бору, а справа стояла заснеженная стена кустарников. Видимость нулевая. Проехав минут десять, выкатились внезапно на большое

открытое поле, вероятно бывшее под посевом какой-то культуры. Но дорога по-прежнему шла у бора, прикрывая нас. Старший полицаи показал, что фрицы должны быть где-то справа. Только я подумал об этом, как внезапно все разом мы увидели немцев. Они выходили из заснеженного участка леса цепочкой, след в след. Расстояние до них было примерно 200–250 метров. Они были вооружены, значит, шли не сдаваться. Обычно, как закон, сдающиеся в плен немцы были без оружия. Они шли на нашу дорогу, наперерез. Понукая лошадь, начали считать немцев, вышедших на опушку. Их было до отделения, но через кустарник выходили ещё и ещё. Я не стал больше считать. Нам нужно было как можно больше времени, чтобы под защитой бора проскочить незамеченными. Я приказал не стрелять раньше, чем они заметят нас. Когда мы уже выскочили на пригорок опушки, немцы увидели нас и открыли огонь. Несколько пуль просвистело над нашими головами. Мы с Фёдором, с колен, дали по ним залпом... и чуть не вылетели из кошёвки. Лошадь с испугу рванула так, что мы чудом удержались, тогда... Немцы легли в снег, и их не стало видно. Они вели огонь уже не прицельно, но все равно пули то и дело свистели рядом или разрывались, попадая в деревья. Мы с Фёдором (он стрелял короткими очередями, помня, что уже на нуле, а я достреливал обойму из второго карабина) не давали вставать немцам. Старший полицаи, нахлёстывая изо всей силы лошадь, гнал её галопом. Когда мы отстреляли последние патроны, то были уже вне досягаемости немецких пуль. Подъём окончился, и мы скатывались в ложину. Впереди маячил шпиль костёла и виднелся дым от жилищ. Оглядываясь, мы видели, как последние несколько немцев уходили в чащу леса. К нам навстречу шла машина полная солдат с КПП и польских дружинников, встревоженных дальними выстрелами. Мы остановились и объяснили, что и как. Посочувствовав и поблагодарив нас, отряд подался прочёсывать дорогу и лес. Только тут, немного успокоившись, заметил на холке у лошади расползавшееся чёрное большое пятно до самой груди. Пуля пробила холку насквозь, а около гуза расщепила оглоблю, которая еле-еле держалась. Я представил, что бы случилось, если бы оглобля сломалась... Неприятный холодок прошёл по телу. Маленький городишко, или большая деревня, в которую мы въехали окружённые орущими поляками, выражающими благодарность и удивление по поводу нашего избавления от проклятого «курвы германа», встречала нас как героев. Наши волонтеры уже поведали им, что произошло, и, конечно, не без прикрас и преувеличений. Расставаясь с ними, мы по-братски, как славяне обнялись. В глазах мальчишки стояли слёзы и восхищение. Он долго махал нам рукой, когда мы уходили от них.

В этом городке размещался сапёрный батальон и службы охраны совсем не нашего «хозяйства». На КПП и в штабе батальона нам подсказали, что наша

дивизия ушла в сторону города Сосновец и что там идут бои за овладение этим городом. Но по секрету шепнули, что сейчас должна подойти какая-то мехчасть, которая нас может подбросить до главной большой переправы. Она, как воронка, пропускала части и соединения на запад. Через какое-то время подошла рота САУ и взвод 76-ти миллиметровых противотанковых пушек и тут же, не мешкая, проследовала дальше. Почти не задерживаясь, через час, мы были уже у переправы. Ещё не доезжая до переправы, мы увидели картину, напомнившую нам горестные годы войны. По обочинам дороги двигалась бесконечная вереница людей с востока на запад и с запада на восток. Худые и усталые, одни несли на себе сундуки, мешки, тюки. Другие тянули поклажу на повозках, третьи толкали перед собой детские коляски, загромождённые узлами и чемоданами. Поток людей рос, заполняя порой полотно дороги и мешая продвижению войск. Регулярные посты наших солдат не могли справиться с такой неуправляемой массой людей, подгоняемой страхом. Вероятно, недавно был налёт немецкой авиации. Всюду были видны следы взрывов, подбитые орудия, обгорелые повозки и машины, перевёрнутые бронетранспортёры, трупы лошадей. Картина была не из приятных. Посты пропускали, конечно, в первую очередь воинские части и женщин с детьми. Мы вместе с артвзводом проскочили на противоположный берег. Теперь куда? Ни командир роты самоходок, ни комвзвода-артиллерист не могли сказать ничего путного. Они сами шли на соединение как приданные. Впереди, километрах в 15–20, был большой город, и они сказали, что там должен быть и большой воинский штаб. Там нам точно скажут, где находится наше «хозяйство». Эти 20 километров показались нам как все 50, а этим большим городом оказался Ченстохов. Прибыли мы под вечер, когда было уже темно. Город стоял весь чёрный: не светилось ни одно окно. У патрулей узнали, где находится комендатура, где штаб части и где можно узнать, как догнать свою дивизию. Кое-что мы всё-таки выяснили. И оказалось, что чёрт занёс нас аж в соседнюю армию, которая наступала севернее, то есть фланговую. Почесали затылки. Надо искать пристанище, где можно в тепле переспать, а там утро вечера мудренее. В комендатуре нам сказали: «Выбирайте любой дом и там ночуйте». Устали мы изрядно, клонило в сон. Ноги начали побаливать, да и поесть бы не мешало. Мы вышли на улицу – город показался ещё мрачней. Темнота озарялась дальними сполохами от разрывов снарядов и пожаров да освещалась изрядно ракетами военных патрулей. Далеко не пошли: темно, глухо, чужой, незнакомый город. Свернули за угол и увидели силуэт двухэтажного особняка, обнесённого красивой, кованой, витой оградой. Ткнулись в калитку – закрыта. Перелазить через ограду – офицерская честь не позволяет. Пальнули последними патронами – подействовало. На первом этаже, около входной двери в дом, осветилось окно, и появилась человеческая фигура с фонарём в руках. Медленно переставлявшая ноги, в

накинутом на плечи полушубке, фигура оказалась древним стариком. Не открывая калитку, он спросил: «Что нужно панам офицерам? Хозяев дома нет, и я не могу вас пустить». Вот чёрт, старый лакей! Говорим ему, что мы только переночевать, утром рано уйдём. Согласился. Зашли в прихожую. Дальше он нас не пустил, сказав, что хозяева приказали никого не пускать и что остальные комнаты не отапливаются, кроме этой небольшой приёмной. Самое главное – здесь было тепло. Старик вскипятил воду, заварил овсяной кофе, налил в бокалы и поставил перед нами на стол, сказав: «Больше ничего нет. Вшиско герман забрав». Ворча про себя, он открыл маленькую боковую дверь и скрылся за ней, оставив нам свечу на подставке. Отогрев животы так называемым «кофе», блаженно растянулись на полу, подстелив шинели и сняв сапоги. Даже не пожелав друг другу спокойной ночи, провалились в глубокий сон. Утром, когда ещё было темно, дед разбудил нас. Он был милосердней, чем вчера, так как напоил своим «кофе» с молоком и сахарином, разговаривая с нами на смешанном украинско-польско-немецком языке. Вероятно, он был нами доволен и рассказал даже о том, как он был в России, то есть в Киеве, ещё при царе Николае II. Расстались мы с ним как хорошие квартиранты с хорошим домовладельцем.

В комендатуре получили информацию, что наши части и соединения 59-й армии находятся в районе боевых действий, у городов Катовице и Мысловице. Это намного южнее Ченстохова, километров на 35–40, а то и с гаком. Знаем уж эти «гаки». Пришлось ждать до рассвета попутных рейсов на город Беутен, уже взятый нашими войсками. С горем пополам комендант помог нам пристроиться в колонну машин, которые подвозили к передовой боеприпасы, под видом охраны колонны. Впервые нам повезло: так как Беутен был взят, то часть машин с боеприпасами двинулась на Катовице. Погода была что надо. Стояла низкая облачность, и шёл снег – авиации мы не боялись. Машины были остановлены, не доезжая до передовой, у пункта назначения, а мы, разузнав, где дислоцированы части нашей дивизии, поспешили к окраине города. К нашему удивлению, город, особенно центр, не пострадал. Немцы ушли, спасая технику и людей, на линию укрепрайона по Одере и городских стен Гляйвиц. Наконец мы дома, то есть в своём родном полку. Штаб полка разместился на южной окраине Катовиц, в небольшом фольварке, среди редких деревьев и занесённых снегом кустарников. Полк вывели во второй эшелон для пополнения. Бои последних дней вывели из строя, по ранению и смерти, многих солдат. Не были укомплектованы взводы, роты, батальоны. Не хватало командиров, сержантского состава, а младших офицеров, командиров взводов – хоть караул кричи. Командирами взводов были сержанты, старшины. Выпускники военных училищ, несмотря на новый боевой устав пехоты, в котором предписывается командиру находиться во время атаки на некотором

Бронепоезд Советская Сибирь в бою. 2008. Холст, масло.

удалении от впереди идущих солдат, сами первыми вставали, показывая пример, и первыми попадали под пули противника. Практика вести за собой солдат укоренилась ещё с времён Гражданской войны, осталась и в Отечественную. Поэтому низовой офицерский состав, от младшего лейтенанта до старшего, был на грани выживания. Командиры батальонов и полков разбивали телефоны и забивали донесениями папки в штабах: «Дайте взводных, ротных, особенно взводных!». И, когда мы с Фёдором появились перед комбатом Хохлачёвым, он искренне обрадовался, а мой ротный, Силин, нас расцеловал. Он дал мне взвод, мой первый взвод 2-й роты, и назначил своим заместителем. Фёдора назначили в его батальоне командиром роты, так как офицеры его роты были ранены, а один убит. Таков расклад судеб на войне – и всего-то, за каких-то восемь дней. Построил свой взвод, и стало грустно. Из старых окопных солдат осталось девять человек и один командир отделения Перегудов, остальные 20 человек – новенькие. Пятьдесят человек вообще ещё не были в боях. Пришлось провести с взводом учения, приближенные к боевым действиям, с использованием и применением стрелкового оружия. За расход патронов поругали, за учение – доброе молчание.

Полк, в порыве наступления, шёл с боями вперёд и вперёд, настигая врага и теряя солдат. На дорогах мы видели разбитые машины и фургоны, оставленные в своём бегстве немцами. Бойцы торопились. Усталые, после бессонных ночей, по январскому снегу, совершали многокилометровые марши, спешили, чтобы на плечах врага форсировать Одер. По сути дела, это был последний рубеж на Берлин, Дрезден, Прагу. Немцы делали всё, чтобы задержать наше наступление. Впереди перед нами город Гляйвиц и Одер – чужие и незнакомые. На следующую ночь наш батальон, пройдя километров 15, сменил стоящую в обороне часть. Когда рассвело, перед нами был неширокий канал, а за ним цеха фабрики или небольшого завода. В тумане просматривались дома города Гляйвица. Поступил приказ: перейти канал и занять оборону. Рота и мой взвод по хрупкому льду, кое-где разбитому снарядами и просевшему от тяжести людей, почти без ЧП переправились на тот берег и заняли оборону. Группа немцев наткнулась на нас. Мы открыли ружейный и пулемётный огонь. Немцы залегли и не вставали. Слышались крики на чужом языке и стоны раненых. Когда совсем рассвело, слева мы увидели дамбу, которая шла до самой реки. По этой дамбе немцы незаметно уходили от нас, унося раненых. Стрельба с их стороны усилилась, когда мы прорвались на дамбу и начали окапываться. Видимо, отступала группа прикрытия, а за ней, в глубине, были основные силы немцев. В самом городе шёл бой. Слышались разрывы тяжёлых снарядов и вой миномётных «катюш», ухали гаубицы, чёрный дым от пожаров поднимался высоко в небо. На дамбе мы окопались хорошо и надолго. Получен приказ: ни один

немец не должен перейти через дамбу. С немецкой стороны стрельба затихла. Старшина принёс нам горячий суп с мясом и даже чай. Мы блаженствовали... Наступила ночь. В воздухе вспыхивали вражеские ракеты и гасли. На минуту из мрака возникает река и снова исчезает. Проскрипит шестиствольный миномёт, ударят дальнобойные орудия, пулемёт прорежет смертельным огнём темноту, и всё сливается в привычный фронтовой гул. С рассветом немцы предприняли атаку при поддержке четырёх танков, но мы отсеки пехоту от танков, а танки на дамбу побоялись взойти: нет манёвра, узкая полоса. Наши артиллеристы, подошедшие ночью к нашим позициям, открыли по танкам огонь, и те ретировались. До вечера у нас было относительно спокойно. Вероятно, у немцев были большие хлопоты в самом городе. Поступил новый приказ: ночью форсировать Одер. Река, то ли разбитая снарядами, то ли уже был ледоход, блестела вдали, закрываемая дымом пожарищ. Надо было готовить плотики, лодки и большие плоты. Несколько солдат пришлось дать сапёрам, которые занимались подготовкой плавсредств. Волнений и хлопот полон рот. За всем надо присматривать, чтобы потом не обернулось большой бедой. Ночью, по-моему, со второго на третье февраля наш батальон начал переправу. Кругом стояла тьма как в печной трубе. Шёл частый снег с дождём. Река, покрытая ледяной шугой, шумела. На наши плоты и лодки налетали быстро плывущие льдины. В мирной обстановке такая переправа никого бы не обрадовала, но мы тогда радовались и тьме, и снегу, и ледоходу. Они надёжно скрывали от противника наше продвижение вперёд. К рассвету третьего февраля батальон был за Одером, в прибрежном кустарнике. Немцы ничем не обнаруживали себя, но мы знали, что они тут есть и, может быть, заметив нас, готовят ответный удар. Но оказалось, что немцы не ждали нас. Они не могли представить, что наши солдаты с ходу, после тяжёлых боев, переправятся через такую большую реку, как Одер, да ещё во время ледохода. Раздались наши выстрелы и наше «ура», и мы свалились на немцев как снег на голову. Они бросали оружие, снаряжение и убегали по ходам сообщений. Никакого организованного сопротивления не было оказано. Спротивлялись одиночки, стреляя из фаустпатронов, но они наносили нам большой урон. Очистив окопы от немцев, мы похоронили своих погибших товарищей и двинулись к шоссе, видневшейся впереди. Поднявшись на шоссе, мы не увидели немцев. Но мы вовсе не думали, что плацдарм на левом берегу Одера уже завоёван нами. Первый и сравнительно лёгкий успех был достигнут только потому, что немцы проглядели переправу. Они не ждали её, не допускали мысли, что хоть один батальон советских войск, дерзнёт пересечь Одер. Мы ждали, что немцы скоро атакуют нас и, не теряя времени, возводили оборону. За это время переправился ещё один батальон нашего полка, а затем и второй. Погода была мерзкая, но благоприятная для такой операции, как наша: шёл то снег,

то дождь со снегом. Дорожное полотно было поднято на полтора метра и давало хорошее укрытие со стороны города. Мы использовали его как оборонительный вал, наделав в нём ячейки для солдат и гнёзда для пулемётов с неглубокими ходами сообщений. Слева, по уходящему вдаль шоссе, были видны хозяйственные постройки с большим домом. Там обосновался штаб полка, с надеждой, что эта земля уже наша, а завтра двинемся вперёд, на запад. Но немцы ничего не предпринимали, как вымерли все. Справа от нас, темнели здания города Гляйвица, будто ослепшего и онемевшего. Оттуда ни выстрела, ни человека. Позади и слева лежала пустая пойма реки. День прошёл в рытье окопов и блиндажей. Но вот утром второго дня наши наблюдатели заметили более 20-и танков и самоходок противника. Они шли на нас и с ходу вели огонь. Когда танки подошли метров на двести, наши пушки, замаскированные в дорожной насыпи, дали залп. Два танка остановились и замолкли, но остальные продолжали идти. После второго залпа вышло из строя самоходное орудие противника. Больше в этот день противник нас не беспокоил, и полк укреплял свои позиции. Наступило утро следующего дня. Дождь со снегом наконец прекратился, тучи рассеялись, и показалось солнце. Как оно было мило для нас, промокших и продрогших до самых костей! Но недолго нам пришлось радоваться встрече с солнцем. Немцы опять стали готовиться к атаке и открыли огонь из тяжёлых миномётов. Миномётный обстрел длился с полчаса. Потом на нас двинулась вражеская пехота. Наш батальон подпустил противника метров на сто и открыл огонь из всех видов оружия. Враг понёс большие потери и откатился назад. За атакой последовал новый обстрел из тяжёлых миномётов, а за ним вторая атака, третья, четвёртая. Четыре пушки, которые поддерживали нас, вышли из строя. Когда отбили четвёртую атаку, наступил перерыв. Оказывается, немцы нашли уязвимое место в нашей обороне – штаб нашего полка. Немцы вначале подожгли хозяйственные постройки вокруг, а затем при поддержке танков и самоходок захватили дом. Мы видели в бинокль, как отступали из горящего дома, отстреливаясь, наши солдаты, тут же падая и не поднимаясь. Выходя из окружения, погибли многие штабные: рядовые солдаты, женщины-телефонистки и телеграфистки. Погиб замкомандира полка по политической части, майор Беркович. Спасая знамя полка, погибло много наших солдат из-за беспечности, которая дорого обходится на войне. Немцы, прорвав оборону у штаба, начали развивать свой успех: заняли слева полосу шоссе и вышли к пойме, тесня к Одере наши батальоны. Только наш батальон ещё пока держал оборону, поскольку раньше окопался и удачно расположился на местности. Но и это было временно. Когда немцы пошли в последнюю атаку, мы отбили и её. Она была и для немцев последняя. Они выдохлись на смерть... как и мы. В моём взводе осталось пять боеспособных человек и ручной пулемёт. Того, кто мог двигаться, отправлял к реке. Да и сам был

контужен и разбито плечо. После того как отбили атаку, принялись укреплять свои разбитые укрытия, хотя едва держались на ногах от усталости. Некоторые засыпали на ходу. Человека можно было перекачивать как чурбан, а он всё равно продолжал спать. Уже начало садиться солнце, закрываемое красными дымами, как вдруг среди льдин, кружившихся на воде, мы увидели чёрные точки. Присмотрелись и поняли, что это лодки. К нам пришло подкрепление – целый батальон, а с ним были пушки, миномёты. И когда немцы открыли огонь, то получили такой ответ, что больше уже не делали попыток выбить нас и перешли к обороне. На другой день к нам переправилось новое подкрепление, и мы прочно утвердились на Одере. С помощью вновь прибывшего пополнения мы похоронили своих товарищей и двинулись в сторону города, очистив от немцев полупустые покинутые цеха небольшого механического завода. Выставив караулы, завалились спать на слесарных верстаках, как мёртвые. Утром город Гляйвиц был взят.

Наш полк остался во втором эшелоне для пополнения людьми. Мы расположились в подсобках механического завода. Два дня отъедались и отсыпались, «жарили и парили» вшей, получили чистое нательное бельё. В цехе был душевой блок, который мы наладили, а затем помылись. И это было несказанным наслаждением после месяца немытого тела! Два дня пролетели как два часа, мигом, и так не хотелось отрываться от освоенного по-домашнему места. Получили новый приказ – идти вперёд, чтобы отступающий противник не смог закрепиться на новом рубеже. Снялись вечером и шли всю ночь. Скрипели в ночном мраке колёса повозок, тяжело катились тягачи, топот и говор оглашали воздух. Лихорадочной жизнью жил в эту ночь небольшой плацдарм за Одером. Ночь была полна движением. Артиллерия, то затухая, то снова вспыхивая, гремела с обеих сторон, расширяя плацдарм. Рыже-красное зарево пылало вдаль, по обе стороны реки. Но ни пожары, ни выстрелы, ни взрывы не могли победить тяжёлую, плотную тьму. Мы шли повзводно, медленно, то и дело теснимые на обочину дороги, а то и в кювет. Машины, самоходки, артиллерия ползли, не включая фары, чуть не задевая нас, но обгоняя. Чертовски неприятно идти с рядом едущим транспортом. Нервы всё время напряжены: как бы полусонному солдату не попасть под машину. Под утро пришли в полуразрушенный хуторок. Шёл мокрый снег, и одежда была сырая. В хозяйственных постройках развели небольшие костры, чтобы просушиться и отдохнуть. Подвезли горячую пищу, и солдаты повеселели. Вечером этого дня получили приказ: взять расположенный недалеко от нас небольшой город Ланглибен с дальнейшим наступлением на город-крепость Оппельн. Командование решило под покровом ночи, отвести части дивизии на рубеж атаки, как можно ближе к противнику, внезапно открыть огонь из всех

орудий и бросить пехоту за огневым валом. Ночью заранее вышли на исходные позиции.

Четыре ноль-ноль: нет сигнала от батальона, нет от роты, нет связных. Время идёт, вот-вот рассвет, а мы бездействуем. Нервное напряжение нарастало не только среди командиров, но и среди солдат. По сути операция срывалась. Где-то что-то не состыковалось в верхах, а возможно, не успели, задержались приданные части бронетехники и артиллерии. Как говорят, хорошо было на бумаге, да забыли про овраги. Оно так и было: немцы разбомбили переправу через Одер, и тяжёлая техника осталась на правом берегу. Высокое армейское начальство решило рискнуть, надеясь на боевой дух советских солдат и на ту небольшую артиллерию, что была в резерве. Начало уже светать, когда по цепи передали: идти на сближение с противником. Ночью прошёл небольшой снег и прикрыл землю белым покрывалом. Слежавшийся старый снег был неглубокий, и двигались мы легко, а ноги улавливали покатошь почвы. Впереди, в сером тумане, ничего не просматривалось, но уже было видно, что мы идём по какому-то полю, ровному и без единого кустика. Через дымку тумана, впервые увидели шпиль кирхи, но из-за низкого густого тумана домов и зданий города не было видно. Противник не подавал признаков жизни. И вдруг наша артиллерия открыла огонь в глубину обороны немцев. Сзади взвилась красная ракета – на рубеж атаки! Бежать было легко, какая-то сила несла нас вперёд. Развернулись в цепь. Над нашими головами шурша, свистя, шипя проносились снаряды, мины и где-то далеко, на вражеской территории, разрывались. Немцы молчали, как будто и не было их там, впереди. Наш артобстрел немецкой территории внезапно закончился. Наступила зловещая тишина, слышались только приглушённые команды наших сержантов. И вдруг, так же внезапно, на нас обрушился миномётный и шрапнельный огонь врага. Мы инстинктивно, не соображая, что делаем, залегли. Шрапнель рвалась в воздухе с каким-то противным звуком, напоминавшим звук рвущегося сатина. Глухо рвались мины, разбрасывая чёрные ошмётки земли. Немцы вели огонь по площадям, перемещая по фронту, постепенно снижая его, а затем почти прекратили, ведя огонь уже по видимым целям. Стало совсем светло. Немцы своим внезапным огнём нанесли значительные потери нашему полку, который наступал по совершенно открытому полю. После артналёта противника на заснеженном пространстве чёрными холмиками лежали наши солдаты. Слышались крики о помощи... Интенсивность огня немцев нас миновала, но потом выяснилось, что мой взвод и рота, левый фланг батальона, попали в «мёртвую зону» артобстрела. Мы, вырвавшись из-под артобстрела немцев, буквально воткнулись в озеро, заросшее по берегам камышом почти в человеческий рост. Я был ошарашен. Вчера, когда просматривали карту местности, на карте перед Ланглибеном

Скорбная весть. 2011. Холст, масло.

никакого озера не было. Вот почему немцы, рассчитывая на озеро как на препятствие для наших войск, пожалели на нас тратить снаряды. Озеро протянулось вдоль фронта примерно метров на 600–700. Перед моим взводом метров 80–100 покрыты льдом и припорошены снегом. К озеру тянулись ирригационные каналы шириной полтора-два метра, пересекаясь между собой каждые 40–50 метров, так же покрытые льдом. Попытка воспользоваться тем, что озеро заросло камышом, и незаметно пройти на сближение с противником не увенчалась успехом. Посланные в разведку двое солдат были обстреляны и возвратились, ломая под собой лёд и проваливаясь. Приходилось обходить озеро правой стороной, а самое главное, что немцы обнаружили нас. Я дал команду короткими перебежками смещаться вправо, обходя озеро. Сильно тревожило близкое расположение кирхи, откуда могла прилететь большая неприятность. Впереди сквозь камыши виднелись какие-то постройки. Видимо, скотные дворы и водонапорная башня. Два отделения ринулись к постройкам, но были встречены огнём боевого охранения немцев и залегли на расстоянии броска гранаты от зданий. Закидав гранатами ячейки фрицев, которые скрылись, бросив их, мы заняли и полу готовые ходы сообщений, ведущие к постройкам, где укрывались немцы. Броском одно отделение попыталось взять ближайший сарай, но было буквально отрезано огнём пулемёта из кирхи. Этого мы, конечно, ожидали. Но ещё опаснее, если там сидит снайпер, и не один. Приказал глубже окопаться в отбитых у немцев ячейках и ходах сообщений, зря, без цели не стрелять, беречь патроны и гранаты. Что ещё будет впереди? Немцы изрядно постреливали. Донимал пулемёт на кирхе: как только замечал у нас какое-то шевеление, сразу же посылал порцию пуль. Появились первые раненые. Был ранен командир второго отделения старший сержант Павлов. Понятно, что вывезти раненых, не представлялось возможным, хотя они и не думали об этом. Заметили, что немцы, пригнувшись, стали перебегать от сарая к сараю в сторону озера, под защиту камышей. Как бы прячась за ними, они старались зайти на наш фланг и выбить нас. Этого ни в коем случае нельзя допустить! Приказал переместить станковый пулемёт в то место, где он мог своим плотным огнём сорвать попытку контратаки немцев, и открыть огонь, когда фрицы пойдут в атаку. Под прикрытием своего огня из кирхи и сарая немцы поднялись, но, встретив наш ответный огонь, отступили за сарай. Прицельный огонь из кирхи и снайпер вывел из строя ещё шестерых бойцов, среди них, командира третьего отделения сержанта Черняка и меня. Когда я был ранен, Черняк подполз ко мне перевязать рану. Я не мог даже приподняться, и ему приходилось на корточках перевязывать меня, тем самым демаскируя себя. Перевязав, он опять же на корточках быстро отскочил от меня, но был настигнут пулей снайпера метрах в трёх от меня. Я видел уже много смертей, но эта потрясла меня.

Стрельба утихала то с той стороны, то с другой. Передал по цепи: «Помкомвзвода, ко мне!» Вскоре возле меня упал старший сержант Лукашев Сергей. По нему стрелял снайпер, но он его не испугался. Лукашев, увидев меня, лежащего и окровавленного, с ужасом в глазах привстал на колени, подставляя себя под пули. Я крикнул ему: «Ложись: снайпер!» Уже лёжа с ним рядом и не объясняя почему – было и так всё понятно, – приказал принять командование взводом. С горечью и тоской я понял, что Сергей не был готов к такому обороту дела, но что поделаешь, это война, жестокая и страшная, и вместо маршальского жезла в ранце солдат постоянно носит свою смерть. Я убеждал его и приказывал, что надо делать, когда меня не будет. Наконец он согласно и утвердительно кивнул головой, глотая слёзы. Он хотел перевязать меня, видя, как набухает кровью марлевая повязка на моей шее, но я отказался, помня первую, болезненную до шока перевязку Черняка и чем это кончилось. Как ни странно, разговаривая с Лукашёвым под пулями противника, мы успокоились и поняли, что наши судьбы здесь расходятся навсегда. Лёжа на земле и уткнувшись подбородком в снег, я чувствовал грудью и животом приятное тепло от вытекающей из раны крови. Автомат, сумки с диском и гранатами я отдал Сергею. Попросил вынуть пистолет из кобуры, вложить мне за пазуху и дать винтовку. Лукашёв хотел дать мне двух солдат для сопровождения, но я наотрез отказался. Они будут как презент немецкому снайперу. Попрощались мы, не подав друг другу рук. Я не мог, а он – боясь расслабиться и сразу как-то постарел. По-пластунски, борясь с острой болью в шее, подбородком чертя по снегу и стерне, дополз до ирригационной канавы, покрытой льдом и снегом. Заполз в канаву, которая была чуть ниже и с небольшими отвалами земли по обе стороны. Хоть такое символическое прикрытие: утопающий хватается и за соломинку. Лёд в канаве рыхлый, пористый. Толкая вперёд винтовку, ползу. Двигаться по льду показалось мне намного легче, чем по земле, покрытой высокой травой и кочками со снегом. Вначале полз, не опасаясь, что меня заметят: прикрывали заросли камыша, но дальше, уползая, я лишился этого прикрытия. Что делать? Лежать и ждать темноты? Истеку кровью. Уже и так удары сердца отзываются в горле и голове, тело отяжелело, глаза застлало красной мутью, инстинкт самосохранения уже угасал. Мелькнула мысль: чтобы обмануть снайпера, надо чередовать интервалы отдыха и движения, имитируя убитого человека. Пополз, с трудом, как будто и воздух давил мне на плечи, ноги, руки. Впереди что-то перед глазами темнело. Рассмотрел: это был куст лозняка на краю канавы, весь иссечённый пулями. Ориентир, пристрелянный противником! До него было метра два. Надо собраться с силами и проползти как можно быстрее. Уже за кустом ударила пулемётная очередь, а я, почти обессиленный, прижался и затих, ожидая новой очереди. Какое-то время было тихо. Я с надеждой, веря и не веря, забылся. И вдруг

меня привёл в чувство звук падающей мины. Она разорвалась сзади, метрах в трёх-четырёх, прямо в канаве, обдав меня осколками льда, грязью, водой. Вторая мина разорвалась впереди. Всё, берут в «вилку», третья будет моя. Собрал последние силы, всё, что ещё у меня оставалось живого к сопротивлению, всё существо моё устремилось к спасительной воронке впереди. Как рептилия с отрубленным хвостом, сжался рядом с воронкой, услышав взрыв очередной мины за спиной. Я долго, как мне казалось, лежал, приходя в себя. Стрелять прекратили, видимо приняв моё распластанное тело за мёртвого. Оглушённый взрывами мин, я почти ничего не слышал. Мысленно начал ощупывать себя: нет ли ещё ранений? Я уже не ощущал, течёт из меня кровь или нет: обморочное состояние не покидало меня. Пытался встать, но сил не было. Меня подобрала артиллеристы, дотащили до своей огневой позиции, поставили на ноги перед каким-то человеком, который спросил: «Как там?» Я ответил: «Плохо. Надо сбить снайпера и пулемёт с кирхи, иначе они перебьют весь мой взвод». Он повернулся к рядом стоящему офицеру, видимо комбату, и отдал команду. Плащ-накидка обнажила витой погон генерала. Потом, лёжа в полевом госпитале, я узнал, что это был генерал-майор Дорофеев, командующий артиллерией 59-й армии.

Очухался я уже только в санроте, когда, сняв с меня шинель и разрезав спереди гимнастёрку как распашонку, обнажили меня по пояс. Я не мог поднять рук. Под ноги подставили тазик, и моя родная кровь, свёрнутая как молозиво, начала падать комками. Запах и вид своей крови в таком количестве, и прочистка раны шомполом, на котором намотан бинт со спиртом так повлияли на меня, что мне стало плохо от боли. Оказывается, там, на поле боя, чтобы перевязать, Черняку надо было раздеть меня по пояс. Так что дорогой ценой заплатил он за то, чтобы обмотать вокруг моей шеи повязку и погибнуть. Разве можно это забыть...

Пуля вошла мне в спину слева, рядом с лопаткой. Она срубила остистые отростки шестого-седьмого позвонков и вышла возле правой лопатки, порвав ключично-лопаточную связку и парализовав весь плечевой пояс... Просто непонятно, как я полз. Потом я был перевезён в 70-й (МСБ) медсанбат в городе Гляйвице и дальше, в полевой госпиталь 978 (ХППГ) города Беутена. Всё это время от большой потери крови я находился в какой-то прострации. Больше спал, и меня будили, когда приносили обед или ужин. Когда стал потихоньку приходить в себя, то до одури надоело лежать, да ещё всё время на животе, так как рана на спине ещё сильно болела. Мне попался томик Пушкина, и я зачитал его до дыр. Много стихотворений поэта я выучил наизусть, а также поэму «Братья-разбойники». Разве я знал тогда, что не раз буду обращаться к образу великого поэта, что когда-нибудь буду

досконально изучать его жизнь и творчество, чтобы к 200-летию юбилею поэта, нарисовать о нём триптих? Да я и не думал в то тяжёлое время о том, что в будущем смогу стать профессиональным художником! Ведь я с детства мечтал бороздить моря и океаны, но война распорядилась по-своему. Ещё в школе я занимался в изостудии – просто потому, что любил рисовать. Принимал участие в выставках детского творчества и даже участвовал в 1940 году во всесоюзной выставке в Москве. В качестве награды мне вручили сатиновый костюм, отличные акварельные краски, книгу о И.В. Сталине и была опубликована статья в «Комсомольской правде», где написали обо мне и Гале Тютиковой, дочери нашего новосибирского художника, как о детях, подающих надежды. Во время войны тоже делал фронтовые зарисовки, писал небольшие портреты солдат карандашом. Некоторые из них отправляли свои портреты домой в солдатских конвертах. Когда солдаты узнали, что я рисую, то раздобыли где-то альбом с хорошей бумагой. Но, к сожалению, почти все наброски, этюды, зарисовки были утеряны, когда обоз нашего батальона попал под бомбёжку. Был я ранен 7 февраля, а через полтора месяца, 26 марта, меня выписали. Врачи говорили, что у меня рана заживала как на собаке и что я родился в рубашке. Отклонись пуля на пять миллиметров, она разбила бы позвоночник, и тогда конец. В госпитале узнал, что наши части Ланглибен так и не взяли, а заняли оборону и стояли там месяц, если не больше. Город был взят перед моей выпиской из госпиталя. Может быть, и задача у начальства была такая – стоять под этим городом. Неисповедимы пути командования...

Когда я выписался из госпиталя, то уже более успешно догонял свой полк, чем это было в первый раз, под Краковом. Весна была в разгаре, и снег лежал только на северных склонах холмов да по оврагам. Появились зеленоватые почки на деревьях. Земля, насыщенная влагой и солнцем, парила. В походных колоннах солдаты уже скатывали шинели, и все говорили о скорой победе, мечтая о том, как они вернутся домой. Теперь я почти знал, где 92-я дивизия и мой полк. Пересаживаясь с машины на тягачи или на Додж с артрислужгой, я неуклонно приближался к своей цели. Погода установилась хорошая, ясная. Облачности почти не было, но двигаться приходилось ночью, так как усилилась активность немецкой авиации. Самолёты врага прорывались через линию фронта и бомбили наши войска на марше. И не раз за день звучала команда: «Воздух!» Как-то рано – ещё было темновато – слезаю со снарядного ящика, а мне показывают в серую мглу и говорят, что там моё «хозяйство»: дивизия, полк. Только к полудню, уставший и голодный, я нашёл свой полк.

Штаб полка располагался в доме на краю деревни. Прежде чем зайти, очистил сапоги, но зайдя в дом, увидел, что можно было и не чистить. Пол

был покрыт ровным слоем глины, вероятно ещё при немцах, а на стенах высели неубранные плакаты и приказы на немецком языке, стояла разбитая посуда, валялась военная форма. Видно было, что «новосёлы» только сейчас вошли в этот дом и распаковывают свои «чемоданы». Кругом крики, шум: штабисты выбирают себе комнаты. Кое-как нашёл замкомандира полка по строевой части Семёнова. Доложил: кто, откуда, куда пошлёте, что дадите... Оказывается, полк только что вышел с передовой на переформировку. Солдат следовало помыть, покормить, проверить на педикулёз, принять пополнение. Взводным и ротным хлопот хоть отбавляй, солдатам – ходить на политзанятия, на которых они отсыпаятся всласть.

Провели меня приказом по полку ротным, а Силина, моего ротного, назначили начштаба нашего батальона. Три дня мы блаженствовали, по воле какого бога, я не знаю. Правда, занимались военно-политической подготовкой: отработывали взаимодействие между собой отделений, взводов и отдельных штурмовых групп в условиях, близких к боевой обстановке. На четвёртый день перебросили наш батальон в городок Бухгольц, уже занятый нашими войсками, для охраны и сопровождения по городу пленных немцев. Комендантом города стал наш командир батальона Константинов, а меня назначили его помощником. В наши обязанности входило: назначить бургомистра, лояльного к нам, из местных социалистов, издать приказ населению о сдаче холодного и огнестрельного оружия и о том, чтобы при прохождении пленных не выходить из домов, соблюдая спокойствие. Всякое неподчинение приказу влечёт за собой наказание. Немцы – народ законопослушный, и на следующий день во дворе комендатуры высилась гора разного оружия, даже двуручные мечи XIII–XIV веков, видимо музейные раритеты. По всей трассе прохождения пленных немцев расставили патрульных часовых, а в местах наиболее опасных и сложных – расчёт с пулемётом Дегтярёва. Пленные шли большими партиями, по 600–1000 человек, а через день провели около трёх тысяч. Их сопровождал не только наш конвой, но и конный военизированный конвой югославы. Они так были увешаны оружием и пулемётными лентами, что напоминали театрализованных героев Гражданской войны. Как ни странно, но наши конвойные вели себя гуманнее, чем югославы. Если у югослава немец нечаянно вышел на полметра из строя, ему было не миновать плетей всадника. Видно, крепко насолили немцы в Югославии. Через пару дней наша лафа кончилась.

Ночью снялись, соединились с полком – и вперёд, на запад! А впереди опять река, которую надо форсировать, опять город, который надо брать, – Нейсе. В эту ночь к переднему краю шли сплошным потоком орудия, танки, машины с различными грузами. Всё это было предназначено для того, чтобы всей силой обрушиться на немцев, оборонявших западный берег реки Нейсе.

Непокоренная (Зоя Космодемьянская). 1973. Холст, масло.

Противник, в ожидании нашего наступления, укрепил свой берег, покрыл его сетью оборонительных сооружений. Здесь были проволочные заграждения, противотанковые рвы и минные поля. Наш батальон, свернув с полевой дороги, углубился в сосновый лес. Стало так темно, что не было видно спины впереди идущего человека. Преодолев лес и миновав пустые дома какого-то селения, батальон вышел на поле, на котором мы должны были занять огневые позиции. Пехота окапывалась, а осторожные звуки кирок и лопат перемежались с приглушённым говором солдат. Работали всю ночь, и отдыхать пришлось не больше часа. Для солдата окоп – это крепость. В пять часов утра началось светопредставление – артиллерийский огонь из всех видов пушек. Все звуки сливались в один общий гул канонады. Только изредка можно было уловить протяжный, грозный напев «катюш» и резкий говор дальнобойных орудий. Над нами мелькали длинные огненные языки. Со всех сторон летел раскалённый огненный металл. Все мы были на нервах от предстоящей работы, которая ждала нас впереди за рекой. С рассветом появились штурмовики «Илы». Они шли тройками и девятками. Один самолёт развернулся в глубине обороны противника и пустил вниз ракету. В тот же момент на указанную цель обрушилась артиллерия. Солнце взошло, но его не было видно, и только когда оно поднялось выше, мы увидели красный диск, затянутый густым дымом сражения.

Весь западный берег Нейсе закрылся густой черно-оранжевой пеленой, с яркими вспышками разрывов от снарядов. Мы были горды и любовались тем, как работает наш «бог войны». Чувствовалось, что эта артподготовка предвещает конец войне. Батареи стали вести огонь реже, видимо, накалились стволы пушек. Небо патрулировали истребители «Яки» и сопровождали наши штурмовики и бомбардировщики. Ночью сапёры навели понтонный мост. Туда устремились штурмовые отряды для охраны, переправившейся на западный берег тяжёлой техники: танков, самоходок, артиллерии. За ними пошла пехота, растекаясь и занимая разбитые немецкие окопы и ячейки. Наш батальон ворвался на западный берег реки, но и тогда орудийная канонада не стихала, громя в глубине оборону немцев. Мы шли по земле, изрытой снарядами, с разрушенными дотами и блиндажами, усеянной трупами немцев и разбитыми автомашинами. Все было обуглено. Земля лежала в дыму и пепле. Населенный пункт у взорванного моста автострады Нейсе – Дрезден был разбит до основания. Дома и постройки превращены в груды развалин. Наши танки вырвались на стратегический простор, чтобы разрезать на части оборону немцев. Рота залегла в развалах построек, так как впереди ещё рвались снаряды нашей лёгкой полевой артиллерии. У стены разрушенного дома, где мы залегли, на боку валялась походная кухня с остатками горохового супа. Вокруг разбросана грязная посуда. Недалеко, во дворе разрушенного дома, две

вражеские зенитные пушки: одна перевернутая, с перебитым стволом, другая совершенно исправная. Рядом, уткнувшись в кювет, догорала подбитая немецкая самоходка. Когда наша артиллерия прекратила огонь в глубину обороны немцев, мы начали двигаться вперёд, натываясь на остатки сопротивления, обезвреживая или уничтожая их. В этот день мы отбили три контратаки немцев, тщетно искавших выход из окружения. Некоторые выходили из окружения, но только как военнопленные: унылыми толпами, грязными, ранеными, без головных уборов. Мы с радостью устремились вперёд, меняя одну позицию, захватывая другую, отсчитывая метры, километры, оставшиеся нам до Победы. В эти дни я вспоминал Ланглибен, неудавшуюся операцию, гибель Черняка, своё ранение, чуть не приведшее к концу, а ведь командиры те же, что и сейчас. Нейсенская операция – одна из многих, которая показала всю силу ума командного состава, мужества, выносливости, отваги рядового советского солдата. Немцы не удержали Нейсенского оборонительного рубежа, и это произошло с 13 по 15 апреля 1945 года.

Наш полк, сбивая арьергард противника, шёл вперёд, на город Клодзиц, который также расположен на реке Нейсе. Говорили, что этот город чешский, значит, скоро будем воевать на чешской земле. После прорыва обороны немцев на Нейсе они были настолько деморализованы, что уже не оказывали по всему фронту серьёзного сопротивления. Поэтому нам приходилось гнаться за противником, чтобы он не успел закрепиться на каком-то выгодном для себя рубеже. День и ночь, почти трое суток, отдыхая только на привалах, разбивая ноги в кровь, мы шли в пронизывающей мгле дождей. Шли по вязкой грязи дорог, в тяжком, но спасительном движении, на ходу разминая тело, не давая заоченеть ногам. Кажется, вся сила, выносливость и бодрость духа солдата, неустанно преследующего врага, проявилась и в походе, и в бою. Как можно быстрее дойти до Победы! Немцы, отступая, занимали только населённые пункты, организовывая в них очаги сопротивления, чтобы хоть как-то задержать нас. И всё же им мало, что удалось спасти из тех войск, которые противостояли нам на участке прорыва. Из штаба полка нам сообщили, что мы идём по чешской земле, а эти холмы и взгорья, перелески и леса уже предгорья Судет. До смерти уставшие бойцы на привале падали прямо в придорожные кюветы, как мёртвые. Отойти от дороги было опасно: немцы, отступая, минировали обочины дорог. Однажды под вечер, переходя ручей, заросший по обе стороны густым кустарником с зазеленевшими почками, наш батальон остановился передохнуть. Мы решили здесь набрать во фляжки воды, пополнить кухни и перекусить разогретой кашей и чайком с консервами. Весь день моросило, а к вечеру прояснилось: дождь перестал, солнце садилось и стало тихо. Слышен был только приглушённый говор солдат да звук заливаемой в

походную кухню воды. Где-то что-то громыхало... И вдруг – «Воздух!» Все бросились в кусты, попадали, а звука самолёта не слышно. Наконец увидели самолёт. Это была «Рама» – разведчик-корректировщик. Она летела на высоте более тысячи метров, поэтому мы её не слышали. Фронтное поверье: «Рама» появилась – жди беды. Она, как будто не замечая нас, скрылась в лучах заходящего солнца. Вставая и выходя из кустов, солдаты посылали вслед самолёту проклятия. Самолёт, как привидение, испортил всё блаженное настроение этого вечера. Тут же получили приказ: пройти всему батальону к уже чернеющему лесу и на опушке окопаться. Уставших солдат было не просто заставить копать для себя же ячейки: их валил сон. Я со своим ординарцем и связным одновременно, Юрой Рядновым, а также с взводными ходили и буквально за шиворот поднимали спящих солдат, которые, вырыв небольшое укрытие, чтобы спрятать только голову, тут же засыпали. Мы и сами ходили как лунатики. Выкопав с Юрой на двоих ровик, чуть больше солдатских, устлали там землю хвоей и плащ-палаткой, и упав туда, провалились в сон. Под утро, ещё было темно, нас растолкал связной от комбата. Подрагивая от холода, побежал, чтобы согреться, и уловил шум мотора. Немецкие танки и самоходки или наши? Вроде их вчера за нами не было. Солдаты ещё спят – значит, наши. Выяснилось, что нашему батальону подбросили взвод самоходок, батарею 76-ти миллиметровых противотанковых пушек и взвод 82-х миллиметровых миномётов. Они нагнали нас в пути. Штаб батальона был в лесу и размещался в немецкой трофейной двубортной палатке, прокуренной так, что хоть топор вешай. Шёл уже крупный разговор нашего командира батальона с заместителем командира полка по строевой части майором Бушуевым. Как обычно, говорили о взаимодействии между взводами, ротами, батальонами и частями, их поддерживающими, доказывая преимущества того или иного тактического варианта операции. Карта, расстеленная на столе, освещалась небольшими трофейными электрофонариками, висящими на шинельной пуговице. Такие были почти у всех командиров. Лица освещались снизу, превращая этих людей в неузнаваемых фантастических существ. Я присел на корточки и задремал. Кто-то ударил меня по плечу: ставили задачу предстоящего боя. Дивизионные и полковые разведчики донесли, что в трёх километрах от нас находится поселение городского типа и примерно дворов 30–40 занято немцами. Вдоль фронтальной стороны деревни немцы вырыли оборонительные окопы, обнесли колючей проволокой, и, вероятно, установили огневые позиции внутри домов. Предполагалось, что это первая линия обороны немцев, а главная находится на расстоянии двух-трёх километров, в другом селе. Это будет известно от нашей дивизионной аэроразведки, дополнительно. Нашему батальону был дан приказ – при поддержке самоходок, артиллерии, миномётов взять это село с последующим наступлением на юго-запад, ко второй линии обороны. На

исходные позиции надо было выйти в пять часов. После артподготовки и переноса её в глубину – атака. Всё как всегда, но без случайностей не обходится и на войне... Получив приказ, мы с моим с ординарцем Юрой, связным и миномётчиком-корректировщиком, взводными пошли поднимать солдат. Судьбу атаки решала подготовка, когда каждому солдату разъяснена задача: по какому сигналу и до какого места он должен прийти, добежать, поползти, если его не сразит пуля, осколок. «Если» в расчет не принималось, а времени уже нет. Небо на востоке начало светлеть. Над землёй поднимался туман. Это было хорошо для нас... пока. Мы пошли на сближение. Шли в рост, так как в цепи пятого бойца не было видно. Впереди, через пелену тумана, проступили две фигуры – это наши разведчики. Они сказали, что дальше идти нельзя. В 50-ти метрах боевой дозор немцев – не спугнуть бы. Надо ждать артподготовки. Тянули артиллеристы: из-за тумана не было видно цели, а рассвет вот он. И вдруг загрохотало из орудий разного калибра. Началось! Было ясно, что мы далеко от рубежа атаки. С разрывами наших снарядов начали приближение к передовым позициям немцев. Натолкнулись на покинутые ячейки боевого охранения немцев. Залегли. Дальше нельзя. Артиллеристы и миномётчики молотят с САУ передний край немцев. Стало совсем светло, но видимость плохая. Впереди всё затянуто дымом и взрывами. Огонь артиллерии начал перемещаться в глубину. Пора! Мы просачиваемся между разорванными снарядами спиралей Бруно и рогатками, к первым домам. Между домами в полметра окопы, чтобы пробежать полусогнутыми, но немцев нет. Что за чертовщина? Впереди широкая улица, покрытая асфальтом, но уже разбитая, в воронках. Дома некоторые горят или полуразрушены, с торчащими в небо стропилами. Одно отделение, выскочив из окопов, побежало по улице к противоположным домам, чтобы занять их, но было встречено таким массированным огнём, что сразу потеряло трёх бойцов. Враг стрелял из подвальных окон, и в лоб его было не взять. Надо вызывать на помощь артсредства, а пока приказал занять наиболее выгодные позиции в домах и окопах, для обороны. Воспользовавшись паузой, немцы начали бросать гранаты через дорогу в наши укрытия. Появились раненые. Немцы навязали нам гранатный бой. Наши гранаты рвались, не долетая до врага, а немецкие гранаты, с длинными деревянными ручками, имели преимущества в дальности полёта и были легче наших. В этот момент, скрываясь за дымом горящего дома, появилась самоходка. Расчёт орудия заметил нашу дуэль с немцем и начал бить по домам. Вторая самоходка, прячась за высоким палисадом с цветущими белыми деревьями, была вдоль улицы. Воспользовавшись помощью, взвод старшего сержанта Корнева, при поддержке огневого прикрытия остальных, пересёк дорогу и выбил немцев из ходов сообщений, прилегающих горящих домов. Туда же ринулись и остальные, огнём и гранатами отвечая на любое сопротивление. Из горящих домов выбегали

немцы с поднятыми руками без оружия, другие, с оружием, тут же падали навсегда. Любой командир во время сражения, от командира отделения до командира высокого ранга, смотрит, как идёт операция, бой, атака, что делает солдат. И тут уже не смотришь себе под ноги. Когда мы с ординарцем бежали по окопу, он запнулся за ноги раненого немца, лежащего в окопе, и почти одновременно прогремели два выстрела. Меня отбросило на стенку окопа. Первый выстрел был в меня, а второй – Юры в немца. Пуля прошла около моего уха, опалив его пороховым газом и оглушив. Все это произошло за какие-то секунды, а сколько таких случайностей на фронте! Юра Ряднов, старый, обстрелянный солдат. Под Лугой в 18 лет попал в плен, бежал, был полгода в партизанском отряде. Затем снова армия – Волховский фронт. Был три раза ранен. Воевал до конца войны, демобилизован в 1945 году в Австрии. Трудно было определить, сколько длился бой за это село, но надо быть всё время начеку. Неизвестно, что ещё может предпринять отступающий враг. За садами и огородами по ровному полю убегали разрозненными группами фашисты, остальные остались здесь навсегда. Пленных конвой повёл в тыл. В этом бою моя рота потеряла шесть солдат и одиннадцать раненых. Раненых отправили в санроту, а погибших временно оставили в погребе уцелевшего дома. Ими займётся похоронная команда. Погиб командир взвода Константин Мухин. На душе печально и скорбно до слёз....

Только хотели заморить червячка, как по телефону приказали явиться к комбату. Снова получил приказ о наступлении. Оказывается, то, что мы взяли, – это часть той деревни или города, что виднеется в двух километрах от нас. На плане деревня выглядит как подкова и почти посередине её пересекает смешанный бор. Когда мы смотрели с наших позиций, то мы не видели всего, что там было на самом деле. На наших картах, видимо 30-х годов, и леса нет, и названия разные, а у немцев карты новые. Немцы активизировались и начали пристреливаться из миномётов. Наша техника попряталась между домами и садами. За спинами у нас уже забухала наша артиллерия и миномёты, посылая гостинцы фашистам. Наступил ясный, безоблачный день. Слева поднималось солнце. Перед нами, как лоскутное одеяло, раскинулось поле. На нём перемежались то зелёные, то жухло-охристые, то чёрные широкие полосы, между которыми, как невесты в белом, стояли цветущие деревья. И как чудовищно и дико, что скоро под этими деревьями будут умирать люди!

В штабе батальона решили, что две роты выдвинутся к полотну узкоколейной дороги, которая идёт к рабочему карьере. По этой колее они выйдут почти в тыл противника. Узкоколейка шла, всё время расширяясь, а в самом карьере, где добывали щебёнку, достигала ширины и глубины три метра. Третья рота

Погранзастава. 22 июня 1941 года. 2011. Холст, масло.

должна была идти во втором эшелоне и присоединиться к первой, которая уже катила по полотну узкоколейки ручную дрезину, наполненную ящиками с боеприпасами. Мы шли друг за другом вдоль оград короткими перебежками. За нами поползла самоходка, за ней вторая. Мы прибавили шаг, а затем побежали, потому что начался обстрел минами. Они ложились, взрываясь совсем близко. Показался лес, под прикрытием которого можно было бежать, не опасаясь точного огня немцев. Мы заняли высотку с карьером и начали её обустроить под опорный пункт. Две самоходки вошли, как будто они здесь и были, прямо под козырёк карьера. Рассредоточившись по периметру карьера, мы без передышки вырыли в стенах рва ниши и щели. Теперь можно и передохнуть. Появился связной из штаба батальона и предупредил, чтобы без команды не выступали – возможно, сегодня пересидим здесь. Мины залетали к нам, но они своим визгом оповещали нас, и мы прятались в укрытиях. Пока занимались ранеными и убитыми, записывали наши потери в скорбный дневник, старшины притащили в термосах перловый суп с мясными американскими консервами – «второй фронт». Приготовив оружие и боеприпасы на случай внезапного нападения, мы принялись за обед. Мы не закончили обедать, когда раздался крик: «Воздух!» Со стороны леса приближалась группа из пяти «мессеров». «Мессеры» прошли правее нас, а ведущий, круто развернувшись через левое крыло, почти отвесно стал пикировать на нас. Остальные как по шаблону стали повторять его маневр, образовав журавлиную цепочку. Дальше наблюдать уже не было времени: до взрыва бомб оставались секунды. Мы с взводным Корневым прижались на дне к стенке окопа. Сначала удары были в лесу, потом стали приближаться к нам. Земля содрогнулась от удара пяти бомб, которые сбросил «мессер», и в окоп полетели куски земли и камни. Бомбы упали совсем близко. Сначала в ушах пошёл звон, а после повторного удара их словно чем-то заткнули. В окоп опустился сизый дым, и дышать стало нечем. Когда ударили бомбы последнего самолёта, мы с облегчением вздохнули и, отряхиваясь, выглянули из окопа. Самолёты делали разворот в нашу сторону для пулемётного обстрела, но откуда ни возьмись появилась четвёрка наших истребителей – «яков». Немецкие самолёты, развернувшись, начали уходить от наших «ястребков». Мы вздохнули с облегчением. По всему карьере дымились воронки. К счастью, прямых попаданий не было, только в одной самоходке смело броневой лист. И что удивительно, среди солдат не было серьёзно раненных: ушибы и ссадины, да немного пострадала материальная часть вооружения. Многие бойцы спустились в штольню и были, как говорят, у Христа за пазухой. К вечеру шестёрка «илов» прошла в сторону не занятого нами села, и где-то там, в глубине обороны немцев, началась продолжавшаяся долго канонада. Из леса, который был от нас на расстоянии трёхсот метров, слышалась стрельба из стрелкового орудия и разрывы

гранат. Нас это беспокоило, и не напрасно. По телефону передали, чтобы мы поддержали наш первый батальон, который завяз в этом лесу. Пройдя с правой стороны карьер, мы вошли в лес цепью, друг от друга на расстоянии шести-восьми метров, договорившись с самоходчиками, что, если немцы выдавят из леса, они поддержат нас огнём. Лес был молодой и редкий, просматривался хорошо. Мы вышли удачно, прямо немцам во фланг, и выбили их с занимаемых позиций. Выйдя из леса на опушку, мы увидели село, такое же, какое мы взяли перед этим, и линии траншей, опоясывающих село. Белые стены домов, красные черепичные крыши, хозяйственные постройки, освещённые заходящим солнцем, – все выглядело беззащитно и стояло в немом оцепенении. Только стелился дым от горящих строений и слышались звуки то дальних, то близких взрывов. Решили вернуться в карьер, который так хорошо защищал нас, но пришёл приказ окопаться и закрепиться на опушке леса. Чувствовалось, что этим бой не кончится и надо ждать продолжения. Слышались одиночные, пристрелочные взрывы мин, а иногда очередь немецкого пулемёта прошьёт кровавый туман, уже застилавший израненную землю и искалеченные цветущие деревья. Связные доложили, что меня вызывают в штаб батальона. Там мы, ротные и взводные, получили втык: почему остановились на опушке и начали окапываться, а не ворвались на плечах противника в первую траншею. Немцы притихли, только вспыхивали и зависали над нейтральной полосой осветительные ракеты, да пролетали трассирующие пули по переднему краю. Мы ничем не обозначили свой передний край, копали окопы, командиры отделений проверяли и выдавали солдатам безлимитный боекомплект гранат и патронов. Почти всю ночь не спали. Сапёры то просили прикрытия, то помощь солдатами, то изготовить сигнальные шторы, то шмон где-нибудь сделать, чтобы отвлечь немцев от работы над проходами в колючках с сигнальными банками. Много кой-чего пришлось делать уже в сближении и в атаке. Всего не предусмотреть. В четыре часа утра рота повзводно, короткими бросками, начала продвигаться по нейтральной полосе, чтобы успеть проскочить между ракетами, освещающими небо и местность. Вышли на поле, где с осени были оставлены бурты турнепса или свёклы, засыпанные землёй. За ними мы укрыли станковые пулемёты. Дальше пришлось ползти по-пластунски. Немцы, видимо, что-то заметили и стали пускать осветительные ракеты, одну за другой. Трассы от пулемётного огня мотались по полю, появились раненые. Скорей бы артиллерийский удар! Приказываю окопаться. Около меня, запыхавшись, рыл ровик ординарец. За спиной иногда было слышно, как на передовую выдвигаются танки и самоходки. Это поднимало дух и придавало нам уверенности в себе.

Вдруг воздух и землю разорвал гром артиллерийских и миномётных залпов. Над нашими головами свистя и шурша летели снаряды всех калибров.

Артиллерийская молотилка обрабатывала передний край минут двадцать, затем перенесла огонь в глубину обороны немцев. Первый штурмовой взвод через проходы ринулся к первой траншее и забросал её гранатами. Поддерживая огнём штурмующую группу, два взвода устремились за ними. Артиллерия сделала своё дело и часть огневых точек противника успела подавить, но огонь из немецких окопов был всё ещё силен. Около двух отделений штурмовой группы ворвались в траншею, за ними второй взвод прикрытия, а меня, с третьим взводом, уложила уцелевшая огневая точка. Нельзя было поднять головы. Как ни рвались танки, им не удалось преодолеть огневой заслон противника. Десантникам пришлось рассыпаться в цепь и вместе с нами медленно, метр за метром, продвигаться под огнём на помощь штурмовой группе. Мы ничем не могли помочь им, так как поднимались и тут же снова ложились под градом пуль. С каждым разом нам всё труднее было отрываться от земли. И когда до траншеи оставалось метров сто, воля атакующих, казалось была, уже исчерпана и цепь остановилась не в силах сделать и шага вперёд. В этот миг сквозь дробь перестрелки и смертельно таявющего немецкого пулемёта МГ заревела сирена нашего танка. Он, видимо отстреляв свой боекомплект, на большой скорости летел на таран огневой точки. И сразу словно сама земля подбросила вверх солдат. Забыв о снарядах, о пулях, обо всём, волна атакующих понеслась к траншее, и гулко и грозно ревела сирена. Вой танка был более страшен и зловещ, чем «ура»! В нём слились воедино тоска солдат о гибнущих друзьях, ненависть, жажда мести и жестокая радость близкой расплаты. Рёв сирены нёсся вместе с танком по цепи. И такая сила была в нём, что солдаты орущими ртами подхватили его как знамя и ворвались в траншею, в щель вражеского окопа, подняв остатки роты за собой. Солдаты яростно дрались, выбивая немцев из ячеек и щелей, применяя гранаты и огонь автоматов. Фрицы сопротивлялись отчаянно, и бой за первую траншею длился несколько часов. Немцы снова и снова поднимались в атаку, но мы неизменно отбрасывали их. Попытки немцев проникнуть через ходы сообщений пресекались усиленными расчётами ручных пулемётов. К горькому сожалению, танк, который так помог нам, был подбит и горел на нейтральной полосе. Это произошло во время нашего штурма, и я не видел, как это произошло. Через сутки я узнал, что в живых остался только один механик-водитель. Артиллерия перенесла огонь по второму эшелону противника, и теперь уже нашу траншею немец закидывал минами, стараясь приготовить атаку своих штурмовых отрядов. Обходя с парторгом роты Грачёвым траншею, с тоской и тревогой я всматривался в лица солдат. Смогут ли они ещё раз подняться в атаку? Солдаты, перепачканные в окопной глине, в окровавленном обмундировании, пропотевшие насквозь, лежат на дне окопа и прислушиваются, кто озирается при каждом разрыве мины, а кто делает безразличный вид. Вздохнет земля

от взрывов, шарахнет по брустверу пулемётная очередь. Но старые солдаты, те, что пришли с пополнением из госпиталей, уже освоили свои ячейки и после падения мины изучают местность, укладывают в ниши гранаты и боекомплект. Эти бои нам дорого достались: от роты в строю осталось 57 человек. Соседи нашего батальона слева и справа, заняв первую траншею, тоже перешли к обороне. Похоже, командование решило не рисковать и не предпринимать повторного наступления, чтобы не было больших человеческих потерь. Самая большая беда была в том, что мы не могли переправить в тыл раненых, а смертельно раненый командир взвода Корнев умер на моих глазах.

Ночь мы ждали с нетерпением. Как только начало темнеть и землю окутал туман вперемешку с дымом, мы с помощью санинструкторов эвакуировали раненых и убитых. Затем начали перекапывать немецкие ходы сообщений, но не успели этого сделать. Противник открыл огонь из миномётов и всех видов пехотного оружия, а потом пошёл в контратаку. В свете ракеты мы увидели блеск вражеских касок. Немцы пробрались своими ходами сообщений в старую траншею и по ней просочились уже нашими ходами. Мы забросали гранатами ход сообщения, по которому бежали к нам немцы. Некоторые были убиты, другие в панике выскочили наверх и побежали по участку, заминированному ими же. Мы подобрали после них четыре ручных пулемёта, гранатомёт с двумя ящиками гранат и пять фаустпатронов. Трое суток, удерживая свои позиции, мы каждую ночь копали окопы, новые ячейки, схроны и щели, каждую ночь ползали за боеприпасами, вытаскивали раненых. На четвёртые сутки нам принесли хлеб, консервы, чай. До этого мы все трое суток грызли сухари, и очень трудно было без воды и папирос. В этот же день прислали пополнение – тринадцать молодых бойцов. Напряжение с двух сторон начало утихать. Немцы перестали беспокоить нас, только ночью освещали ракетами да иногда прошивали ночную мглу длинной строчкой трассирующих пуль. Совсем присмирели немцы, а мы в это время набирались сил. Каждый думал о том, что близок конец войне, и хотел остаться живым. Утром 19 апреля передали, что 20 апреля – день рождения Гитлера и можно ожидать провокаций со стороны фрицев. Надо быть начеку, усилить боевые охранения, чаще менять бойцов на постах, через каждые два часа докладывать в штаб батальона. К вечеру 19 апреля погода начала портиться. Собрались тучи, начало моросить. Мы успокоились: авиация не будет донимать. К удивлению, немцы и вечером, и ночью вели себя тихо. Совсем перестали стрелять, только освещали нейтральную полосу ракетами. Под утро усталость взяла своё. Дождь помаленьку утихал, под ногами чавкала окопная грязь. Мы с Юрой искали пустые ниши, чтобы укрыться от дождя и хотя бы вздремнуть минут десять–пятнадцать. И вдруг, к нам подбегает сержант-связист от миномётной батареи и с радостно-

испуганными глазами выпаливает: «В Германии революция!» Мы с ординарцем пошутили: он получил это известие из имперской канцелярии Гитлера? Сержант молча и, как мне показалось, с восторгом показал в сторону немецких окопов. Там, действительно, по всему переднему краю не чётко, но просматривалось что-то красное. Я взял бинокль. Да, это были знамёна, но только фашистские, а так как они висели, то середина знамени не просматривалась, создавая общее красное пятно. Мои солдаты хотели испортить немцам праздник, но я приказал воспользоваться передышкой для отдыха и поберечь патроны. За весь день 20 апреля с немецкой стороны не прозвучало ни одного выстрела. Это позволило агитационной дивизионной антифашистской радио-группе вещать для немцев, уговаривая их бросить оружие и сдаться в плен, обещая, что жизнь им будет гарантирована. Разбавляли пропаганду музыкой знаменитых немецких и австрийских композиторов: Баха, Бетховена, Генделя, Моцарта, Штрауса. Уже смеркалось, и на переднем крае наступила необычная тишина. Только музыка, то усиливаясь, то ослабевая, накатывала как морская волна. Она заполняла собой окопные щели, ячейки и души людей, заставляя их забыть, что они в окопах, в грязи, и вспоминать свой покинутый дом, мать, отца, невесту, детей. Передовая слушала музыку. Закончили передачу вальсами Штрауса. И я вспомнил, как перед войной в переполненном зале кинотеатра на Первомайке восторженные и счастливые зрители смотрели американский фильм «Большой вальс». Тогда мы были наивными и счастливыми, и никто не мог представить, что через несколько месяцев грянет война... Кончается день 20 апреля, а немцы ни гугу. Видимо, усердно поздравляли шнапсом своего фюрера, так что даже осветительные ракеты пускали как-то лениво. На фронте надо бояться и тишины... С взводными проверяю посты и пулемётные расчёты и ещё раз требую сменяться чаще, чтобы легче нести караул. Ночь проходит, скоро рассвет, но у немцев тихо, даже осветительные ракеты перестали пускать. Возвращаясь с левого фланга роты, мы с ординарцем, обвешанные гранатами и дисками, пройдя почти всю роту, остановились в ячейке пулемётного расчёта закурить. Табачного довольствия давно не было, поэтому пользовались бычками, передавая их друг другу. У немцев по-прежнему тихо. Дождя не было, но облачность стояла низкая. На востоке светлела полоска неба. Похолодало, и я немного продрог, хотелось спать. Совершенно успокоившись оттого, что немцам уже нет времени что-либо предпринимать, решил хоть немного вздремнуть. Ординарца отправил к старшине роты, для подготовки завтрака солдат, а сам лёг в нишу, любезно предоставленную мне пулемётным расчётом. Земля там была устлана соломой, а сверху накрыта пуховой периной, явно доставленной из деревни ночью. Перина уже была замызгана солдатскими сапогами, а в изголовье лежали вещмешки. Ну прямо номер в гостинице люкс. Завернувшись в плащ-

Атака отбита. 2011. Холст, масло.

палатку с головой, чтобы выдыхаемый тёплый воздух был со мной, и свернувшись калачиком, сразу отключился.

И вдруг, как в кошмарном сне, несколько секунд не мог понять: где я, что это, что со мной? Какая-то тяжесть навалилась на меня и так сдавила, что невозможно было дышать. Потом обожгла страшная мысль: я завален землёй и скоро сам превращусь в землю... И мысль про папу, и про маму... Пошевелиться не мог, так как сам себя замотал, но пока дышал воздухом, оставшимся между мной и плащ-палаткой. Я уже стал терять сознание, когда мои сапоги начали рубить лопатами. Меня откапывали солдаты расчёта, Юра, старшина и комсорг роты Пшельников. Откопали... Сидя на дне окопа, я принял от старшины, наркомовских сто грамм чистого спирта как воду: настолько был в шоке. Спросил у них: что случилось? Немцы, видимо с похмелья, решили порезвиться и пустили по нашей траншее с десяток мин. Думали, что пойдут в атаку, приготовились, но, кроме беспорядочной стрельбы из огнестрельного оружия, больше ничего не последовало. Естественно, мои спохватились, где ротный, ну и к нише: наверняка его там засыпало. Мина разорвалась рядом с нишей, а если бы я находился в траншее или началась бы атака немцев, то, какую. Что ж, значит, моя звезда не погасла – будем жить! Запомнился мне этот день рождения Гитлера на всю оставшуюся жизнь. И после войны мне часто снится, как я задыхаюсь в тяжёлых объятиях матушки-земли: это значит, что придавило сердчишко. Через три или четыре дня, рано утром, перебежав через нейтральную полосу с оружием, в плен сдался почти взвод противника. По их утверждению, они были не немцы, а болгары, чехи, словаки, поляки, то есть все будущие наши «друзья». Немцы проснулись, когда перебежчики проскочили нейтралку, и начали поливать союзничков из пулемёта, но было уже поздно. Небольшой городок Лабад или Лабас (вероятно, от реки Лаба), стал последним населённым пунктом, который брали большой кровью. Наш полк брал этот городок в лоб, блокировал его, а части наших войск обошли его с флангов. Немцы бросили город, а когда мы вошли в него, то поняли, почему противник долго удерживал этот городок. Здесь была сложнейшая система флангового огня, минных полей, проволочных заграждений, баррикад, укрепленных техникой, системой подвалов, блиндажей в домах. Так что мы прорвали сильно укрепленную линию обороны немцев по реке Лаба. Отсюда, под ударами наших войск, противник начал свой последний отход. У нас начался победный марш! Преодолевая усталость, мы шли просёлочными дорогами, лесными тропинками, кое-кто карабкался на попутные машины. Всё это называлось маршем, только быстрее, вперёд, по многу километров в сутки. На случайные скоротечные бои уходило по 20 часов, а на еду и сон – всего четыре часа. Нудные дожди последних дней апреля превратили поля и дороги в густую, клейкую массу. Пудовые комья грязи цеплялись за сапоги

пехотинцев. Колёса телег, машин скользили и буксовали в глубоких колеях. Даже гусеничные тягачи вязли местами, а пушки сплошь и рядом приходилось толкать руками. И всё равно наши части неуклонно продвигались вперёд, воодушевлённые тем, что бои идут уже за Берлин. Несмотря на все тяготы изматывающего марша, на истёртые в кровь ноги и недосыпание, на отсутствие горячей пищи (походные кухни отставали или пропадали), солдаты шли вперёд. Шли в пропитанном потом обмундировании, неся на себе пудовую тяжесть вооружения. Шли мои братья-солдаты, спящие на ходу, натыкающиеся друг на друга, шли не ради горькой скорби и проклятия, а ради Победы!

Ради Победы, выстраданной годами военных лишений, может быть, потерей родных и близких, ради освобождения своей многострадальной Родины и порабождённой Европы, некоторые страны которой платят нам теперь чёрной неблагодарностью, умаляя наше значение в истории Второй Мировой войны и ставя бывший Советский Союз в один ранг с фашистской Германией. Под утро вышли на широкое асфальтированное шоссе. По разогретому асфальту с грохотом двигались танки, катились пушки, тянулись вереницы обозов, топали в колоннах «Братья-славяне», пехотинцы. Шло пополнение для каких-то частей, и бойцы говорили, что идут на Прагу. Солдаты шли в чистом обмундировании, улыбающиеся. Мы же, пройдя ещё немного, увидели впереди в утренней дымке небольшой городок с островерхими черепичными крышами и стрельчатыми башнями кирпичи. Все это утопало в цветении вишен, слив, яблонь. Поля покрылись яркой весенней зеленью. Солнце нагревало землю так, что от неё шёл пар. И не верилось, что эта патриархальная, нетронутая красота – жизнь, а не иллюзия, что есть другая жизнь, где идут танки, пушки, смертельно уставшие люди и кругом война. Остановки и привалы у пехоты коротки: поесть дымящегося борща, если походная кухня догнала, дать отдых натруженным ногам. Навстречу нашим войскам движутся освобождённые из фашистских лагерей люди: мужчины, женщины, дети. Их тысячи. Тут и русские, и украинцы, белорусы и поляки. Идут пешком, навьючив на плечи немудрёные пожитки, едут группами на телегах, бричках, на дугах которых горят красные флажки. Все это движется на восток.

Где-то, в такой же колонне, шла и моя будущая жена Татьяна, которая все четыре года провела в фашистской неволе. Весь детский дом города Умани, где она воспитывалась, был угнан в Германию. И я благодарю судьбу и Провидение за то, что она тогда осталась жива.

Идут на восток и колонны пленных немцев в сопровождении наших пожилых солдат. Вчера ещё можно было увидеть на карте штаба дивизии, среди

причудливого переплетения рек, дорог, возвышенностей, некоторое подобие линии фронта, который держали отступающие дивизии неприятеля. Теперь у врага уже не стало линии фронта. Она разорвана в клочки в результате мощных ударов и стремительных манёвров механизированных соединений 1-го Украинского фронта. И в этом есть крупица усилий, борьбы и крови моих солдат, уже павших и идущих рядом, невымытых, обросших, с потрескавшимися и обветренными губами, но твердо и непоколебимо идущих к Победе!

Перед 1 мая нарвались на какую-то немецкую часть, уходящую на запад, приняли бой, который закончился очень быстро. Под покровом ночи немцы покинули (проще сказать драпанули), а мы заняли небольшой хуторок, в котором встретили 1 мая. В этом селе мы остались на три дня для отдыха, то есть нас перевели во второй эшелон. Отмывались, отсыпались, чистили оружие и, конечно, несли караульную службу. Бойцы проходили медицинскую профилактику белья и обмундирования. Рота как-то помолодела, бойцы шутили, обменивались воспоминаниями о доме, писали письма родным, говорили о скором окончании войны. Казалось, что войны нет и лишь какая-то случайность завела тебя в этот далёкий и чужой край. Каждый из нас знал, что Берлин пал. Днём стояла тишина, зато ночью по всем дорогам двигались машины всех систем и марок, пушки всех калибров, танки, мотопехота и просто пехота, пехота, пехота...

Вместе с приказом о выступлении полк получил обращение Военного Совета 1-го Украинского фронта к бойцам, сержантам, офицерам. В нём говорилось, что Берлин пал, но осталась сильнейшая Пражская группировка противника, которая угрожает флангам фронта и может повлиять на ход завершающего этапа войны. Никто не мог предсказать, что в самые последние дни войны в Праге вспыхнет народное восстание, чуть не закончившееся трагедией для Чехословакии. Для её спасения две танковые армии, стоявшие у Берлина, были брошены на юг, в сторону Праги, за сотни километров. Путь этих танковых армий был тернист, но славен. Именно в Праге советский солдат поставил победную точку во Второй Мировой войне – 8 мая 1945 года. В один из дней начала мая наш «непросыхаемый» полк вышел на дрезденскую автостраду и, пройдя километров десять до перекрёстка двух трасс, повернул на юг. Девчата-регулирующие сказали нам, что это шоссе ведёт на Прагу. Сделали привал. Наступил уже полдень, и наш старшина постарался угостить роту горячим супом. Попутно узнали, что несколько рот возьмут на «броню», идущие на Прагу танки, которые вот-вот должны догнать нас на марше. Только к вечеру моя рота была посажена на танки авангарда, это было 8 мая 1945 года. Кататься на танках не очень приятное занятие, особенно если он на своём пути на полной скорости налетает на какие-нибудь препятствия. Механик-водитель танка, не спавший несколько

дней подряд и наглотавшись выхлопных паров, просто выключался, засыпал на ходу. Танк налетал на бетонные столбики, ограждающие шоссе, его подбрасывало и трясло. Солдаты, облепившие танк, чуть не валились с него, ударяясь и расшибаясь о броню. На коротком привале приказал всем привязать себя ремнями к скобам танка, чтобы не выпасть из этой грохочущей люльки. Часа в три-четыре наш десант закончился, к общему удовольствию – и танкистов, и нас. Своей тяжестью мы отбирали у них скорость и сами не испытывали большого счастья от езды на таких фаэтонах. С радостью мы покинули гостеприимных хозяев, пожелав им встретить Победу живыми. Нас окутала непроглядная тьма. После грохота танков тишина, казалось, давила на уши. Ничего не видя, окликаая и натыкаясь друг на друга, мы собрались, наконец, вместе и попадали на землю. От травы шла прохлада и сырость, откуда-то доносился аромат цветущих деревьев. А там, куда ушли наши танкисты, светилось зарево большого города – Праги.

Разбудил меня Юрка. Было уже светло, но солнце ещё не взошло. Молочный туман низко стелился над землёй, щебет и пение птиц оглашали всё вокруг. Чуть ниже, в лощине, среди зелёных кустарников стояли все в белом цветущие деревья, и от них, накатываясь волнами, шёл одурманивающий аромат. Это же был рай! Сама природа требовала от человека закончить это безумие, прекратить убивать друг друга и понять, что на земле дорога и прекрасна каждая человеческая жизнь, как прекрасно это наступившее утро, пение птиц и солнце над головой, журчащий ручей и аромат цветущих деревьев. «Старички», встав пораньше, разведали ручей с чистой, прозрачной водой. Связные, с плохо скрываемой радостью на лицах, передали приказ: «Умыться, почиститься, подшить чистые подворотнички и приготовиться к построению!» Все уже чувствовали, что вокруг нас незримо витает Победа. Команда: на построение. Всем уже стало все понятно. Настроение приподнятое, в ожидании чего-то такого, что бывает один раз в жизни. К нашим шеренгам примкнули бойцы батареи 76-ти миллиметровых пушек, следовавшей за нами. Начальство из политуправления дивизии, поставив свои «виллисы» и «доджи» на видном месте, зачитало нам приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Что тут было!!! Грянул трёхкратный салют из пушек батареи, солдаты открыли огонь из всех видов стрелкового оружия, прыгали как дети, обнимались и плакали, не скрывая слёз. Высокое начальство кое-как уgomонило солдат, вынесло благодарность всем за участие в десанте и выразило уверенность, что, если бы была необходимость, мы так же мужественно дрались бы с врагом, как это было ещё вчера...

Потом был марш через всю Чехословакию, в Австрию. Мы проходили через небольшие городки, хутора, посёлки. Большие города обходили стороной, чтобы было меньше хлопот как у горожан, так и у военных. Чехи встречали нас с цветами и с национальными флажками, называя своими освободителями, а через десятки лет святое, справедливое слово, заслуженное кровью Советского воина, поменяют на кощунственное и обидное «оккупанты».

В середине мая месяца рано утром мы входили в Вену, столицу бывшей Австро-Венгерской империи. Шли в центральные кварталы города, по единственному висячему мосту через Дунай, с левого берега на правый. Остальные пять мостов через Дунай были взорваны фашистами. Город стоял притихший и пустынный. Он поразил нас красотой площадей, архитектурной изысканностью дворцов, зданий, памятников. Прямо перед нами возвышалась громада какого-то собора, позже узнал, что это собор Святого Стефана. По некоторым улицам шли в шеренге по два человека – так были разбиты дома, завалившие узкие улицы, но центр города особо не пострадал. Конечно, город произвёл на солдат большое впечатление. Позже, по службе, мне приходилось бывать в Вене, которая постепенно восстанавливалась, очищалась от разрушенных зданий, становилась чистой и уютной. По улицам расхаживали ухоженные пожилые люди и гулял свежий ветер с Альп, в соборе Святого Стефана шло богослужение, а по вечерам в ресторанах и кафе, звучали вальсы Иоганна Штрауса.

Наш марш через две страны окончился в городе Винер-Нойштадт (Новая Вена), который расположился в 50-ти километрах от Вены, недалеко от демаркационной линии. Наша дивизия и армия входили в Центральную группу войск, командующим которой был И.С. Конев. Наши воинские части охраняли склады, военные заводы немцев, которые должны были по репарации отправиться в Советский Союз. Мы стояли на этой линии целый год и два месяца, а затем, после реформирования части в механизированную пехоту, были переброшены в Венгрию, в город Печ. Этот город находился недалеко от югославской границы. Здесь нам тоже приходилось охранять всевозможные объекты до июля 1946 года. Прослужив полгода в Венгрии, вернулись на Родину, в Киевский военный округ, в город Умань. Демобилизовался в 1947 году и вернулся в родной Новосибирск вместе с женой Татьяной. Затем учёба в вечерней школе, которую не дала закончить война, и чуть более года – в архитектурном институте. Поняв, что моё призвание всё-таки не архитектура, уехал учиться в Иркутское художественное училище. Мечтал, конечно, и о Российской академии художеств, но у меня уже было двое детей, так что пришлось расстаться с этой мечтой.

А война навсегда оставила в прямом смысле следы на моём теле и в душе, живёт в моих воспоминаниях и красной нитью проходит через моё творчество.

*Участник Великой Отечественной войны,
Народный художник Российской Федерации
Чебанов Вениамин Карпович.
7 августа 2008 г.*

Золотая свадьба. Поколение победителей. 1988. Холст, масло.